

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Экспрессивные средства выражения коммуникативного намерения в
переводоведческом аспекте (на материале русского и немецкого
переводов произведений Д. Брауна)**

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
Образовательной программы
«Синхронный перевод (английский язык)»

очной формы обучения
Лапшина Татьяна Александровна

Научный руководитель:
д.ф.н., проф. Третьякова Т.П.

Рецензент:
к.ф.н. Скорнякова Э.Р.

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА I Теоретические основы исследования.	5
1.1. Изучение коммуникации современной лингвистикой	5
1.2. Лингвопрагматика как наука о коммуникации	9
1.3. Эквивалентность перевода и прагматика	12
1.4. Прагматическая эквивалентность и синонимичные понятия	15
1.5. Экспрессивность как лингвистическая категория	19
1.6. Способы выражения экспрессивности.....	23
Выводы по Главе I.....	27
ГЛАВА II. Экспрессивность в переводоведческом аспекте.	29
2.1 Экспрессивные средства в высказываниях с констатирующим коммуникативным намерением.	29
2.1.1. Монологические экспрессивные средства в констатирующих высказываниях.	30
2.1.2. Диалогические экспрессивные средства в констатирующих высказываниях.	42
2.2 Экспрессивные средства в высказываниях с директивным коммуникативным намерением.	45
2.2.1 Монологические экспрессивные средства в директивных высказываниях.	45
2.2.2. Диалогические средства усиления директивного коммуникативного намерения.....	50
2.3. Экспрессивные средства в коммуникативных структурах.	51
2.4. Экспрессивные средства в эмотивно-экспрессивных высказываниях.....	52
2.4.1. Констатирующие эмотивно-экспрессивные высказывания.....	53
2.4.2. Директивные эмотивно-экспрессивные высказывания.....	56
2.5. Средства усиления контактоустанавливающего коммуникативного намерения	59
Выводы по Главе II	61
Заключение	63
Список использованной литературы.....	65
Список использованных материалов	71
Список источников примеров с сокращениями	73

Введение

Одной из важных проблем, решаемых в рамках современной прагмалингвистики, является проблема экспрессивности, под которой чаще всего понимается использование говорящим языковых средств с целью оказания влияния на адресата. Экспрессивные средства языка могут рассматриваться как в рамках одного языка, так и с точки зрения переводоведения. В последнем случае обычно говорят о достижении или утрате в переводе прагматической эквивалентности.

Актуальность данной работы состоит в том, что проведена в рамках двух активно развивающихся в настоящий момент областей лингвистики – переводоведения и прагматики.

Теоретической основой настоящей работы послужили труды таких отечественных и зарубежных специалистов, как Л.П. Чахоян, Ч. Пирс, Дж. Лич, Дж. Остин, Дж. Серль, Ю. Найда, О.В. Александрова, А.Г. Пospelова, Р.К. Миньяр-Белоручев, Р.О. Якобсон, М. Бейкер и т.д.

Целью настоящего исследования является составление представления о сохранении или утрате прагматической эквивалентности в процессе перевода с английского языка на русский и немецкий языки.

Поставленная цель подразумевает решение следующих задач:

1. Дать определение коммуникации, коммуникативного намерения, прагматической эквивалентности.
2. Разграничить понятия эмоциональности, эмотивности и экспрессивности.
3. Рассмотреть прагматические характеристики коммуникации
4. Разработать релевантную для целей исследования классификацию экспрессивных средств.

5. Выявить случаи достижения/недостижения прагматической эквивалентности при переводе оригинального текста на английском языке на русский и немецкий языки.

Объектом исследования являются 669 примеров экспрессивных высказываний: 223 на экспрессивных высказываний на английском языке и их эквиваленты на русском и немецком языках.

Предметом исследования послужили случаи сохранения/утраты прагматической эквивалентности в русском и немецком переводах диалогов персонажей романов.

Материалом исследования являются экспрессивные высказывания в английском языке, полученные методом сплошной выборки из романов американского писателя Дэна Брауна “Angels and Demons” и “The Da Vinci Code”, а также их эквиваленты в переводах на русский (выполненные Косовым Г.Б. и Рейн Н.В соответственно) и на немецкий (выполненные Алексом Мерцем и Питом ван Поллом) языки. Данные произведения насыщены большим количеством диалогов, в которых используется современный живой разговорный язык.

В качестве основных **методов** исследования использовались дискурсивный и прагматический анализ, переводоведческий анализ, метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Апробация работы проходила на XXI открытой конференции студентов-филологов в СПбГУ (2018).

Объем и структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, двух глав (теоретической и исследовательской), заключения, списка использованной литературы, списка использованных материалов и списка источников примеров с сокращениями. Список использованной литературы насчитывает 54 наименования (из них 15 на иностранных языках).

ГЛАВА I Теоретические основы исследования.

Цель данной главы заключается в рассмотрении такого важного и многогранного явления, как человеческая коммуникация, с точки зрения прагматики и переводоведения, а также в описании экспрессивных средств выражения коммуникативного намерения.

1.1. Изучение коммуникации современной лингвистикой

Ежедневная деятельность человека всегда в той ли иной мере подразумевает взаимодействие с другими людьми. Как правило, оно проистекает в речевой форме и таким образом приобретает форму вербальной коммуникации.

Согласно Третьяковой Т.П., под коммуникацией вообще в узком смысле может пониматься процесс передачи фактуальной информации, или в широком смысле для обозначения любого типа общения, при котором происходит обмен различного рода информацией, причем более распространенной является вторая точка зрения. (Третьякова 1995: 32) В связи с этим в данной работе термин “коммуникация” будет употребляться в широком смысле, поскольку такая точка зрения позволяет рассматривать данное явление не только как простой процесс обмена данными, а как способ достижения говорящим определенных личных целей, что отвечает задачам проводимого исследования.

Интерес к коммуникации как способу взаимодействия между собеседниками появился в середине 20 века. Именно тогда в лингвистике стали появляться модели, описывающие данное явление.

Одной из первых в лингвистике начала применяться модель Шеннона-Уивера, перенятая из области математики. (Shannon 1948), изначально разработанная для моделирования общения по телефону. Данная модель предполагала наличие пяти составляющих: источника

информации, передатчика, канала передачи, приемника и конечной цели. Помимо собственно модели, ученый описал также факторы, оказывающие влияние на ее работу: он ввел термин “шум” для обозначения внешних факторов, искажающих сообщение и препятствующих его корректному восприятию, а также термин “избыточность” для описания повторов элементов сообщения с целью преодоления шума.

Позже наибольшее распространение получила лингвистическая модель коммуникации, разработанная Р. Якобсоном. (Якобсон 1975) По мнению ученого, для осуществления коммуникации требуется наличие адресанта, производящего и передающего с помощью кода сообщение, и адресата, данное сообщение воспринимающего. В настоящий момент именно данная модель наиболее широко используется в лингвистических работах.

Позже модель Р.Якобсона дополнил М. Бахтин. Согласно его взглядам, во - первых, для любого высказывания характерна адресность, то есть для существования говорящего необходимо существование слушающего, во-вторых, высказывание имеет смысл только в определенном контексте, с учетом времени и места его произнесения.(Бахтин 1979: 250-296).

Можно также отметить модель коммуникации, предложенную А. Нойбертом (Нойберт 1978), согласно которой в коммуникации выделяется 4 компонента: коммуниканты; формативы, то есть элементы или комбинации элементов, являющиеся материальной базой языкового кода, которые можно различить и описать с точки зрения фонологии, морфологии и синтаксиса; отражение, то есть абстрактные представления коммуникантов об окружающей действительности, возникшие в результате их активной деятельности в окружающем мире; и объективная реальность, то есть все то, что существует вне нашего сознания.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что более поздние модели

коммуникации придают особое значение необходимости учитывать личные особенности коммуникантов и специфику используемого кода.

Рассматривая коммуникацию с точки зрения используемого кода можно обратить внимание, что она разделяется на вербальную, то есть осуществляемую при помощи слов, а также невербальную, компоненты которой считаются периферийными. В невербальную коммуникацию включается фонация, или изменения голоса, кинесика, или жесты, мимику и позу, и проксемика, или расстояние между коммуникантами. (Богданов 1990: 35-49).

Поскольку в данной работе предметом исследования является именно вербальная коммуникация, рассмотрим ее подробнее.

Согласно Л.П. Чахоян., вербальная коммуникация осуществляется при помощи коммуникативных единиц, или направленных речевых произведений, которые говорящий использует для выражения своей мысли. Они могут быть разделены на интенциональные, то есть выражающие мысли говорящего, и реактивные, то есть являющиеся формой выражения речевой реакции на собственный речевой стимул или речевой стимул от собеседника. (Чахоян 1979:30)

В качестве коммуникативных единиц вербальной коммуникации обычно функционируют высказывания, под которыми понимаются процессы, выражающие коммуникативно-речевую деятельность говорящего, а также результаты этих процессов (Чахоян 1979:121). Своеобразными “оболочками” высказываний являются предложения. Исследователь также отмечает, что при составлении высказывания в процессе коммуникации человек пользуется семантическими блоками, отражающими различные ситуации объективного мира и субъективное отношение говорящего, выстраивая их в соответствии с со своей задачей, из чего следует, что высказывание можно считать результатом реализации коммуникативного намерения

говорящего (Чахоян 1979:124). Последнее замечание является особенно важным, так как из него следует, что речевая интенция говорящего непосредственно влияет на построение высказывания.

Не менее важным фактором являются личностные особенности коммуникантов, поскольку они также оказывают непосредственное влияние на процесс коммуникации. Богданов В.В. выделяет следующие человеческие факторы: языковая компетенция, национальная принадлежность, социально-культурный статус, биологические и физические данные, психологический тип, степень знакомства коммуникантов, их индивидуальные вкусы и привычки, внешний вид и, наконец, то, что особенно важно для исследования, проводимого в рамках данной работы: текущее психологическое состояние, то есть знания, настроение, интересы и цели. (Богданов 1990: 29-34)

Вступая в коммуникацию, говорящие оказываются в условиях определенной коммуникативной ситуации. Под коммуникативной ситуацией в данном случае понимается сложный комплекс внешних условий диалога и внутренних состояний коммуникантов, отражающийся в речевом поведении (Формановская 2002:42).

Неотъемлемой частью коммуникативной ситуации являются мотивы, побудившие коммуникантов произнести высказывание, иначе называемые коммуникативные намерения/интенции. Коммуникативные намерения могут существенно варьироваться в зависимости от обстоятельств коммуникации: говорящему может быть необходимо получить информацию, отдать приказ, сообщить о положении вещей и т.д.

Согласно Иссерс О.С., выделяются две группы коммуникативных намерений:

1. первостепенные, то есть те, ради которых и предпринимается коммуникация;
2. второстепенные, являющиеся производными от мотивов любой

человеческой деятельности вообще. Во время вербальной коммуникации именно второстепенные коммуникативные намерения определяют способ вербального выражения коммуникативного акта. (Иссерс 2003 58-60)

Таким образом, коммуникация является сложным и многоаспектным явлением, при рассмотрении которого необходимо учитывать многие факторы, в частности личности коммуникантов и их коммуникативные цели. Изучение коммуникации обычно осуществляется в рамках лингвопрагматики, о которой пойдет речь ниже

1.2. Лингвопрагматика как наука о коммуникации

Одной из основных наук, занимающихся изучением коммуникации, является лингвопрагматика, объектом исследования которой является деятельностный аспект речи. (Третьякова 1995:45)

Лингвопрагматика зародилась в качестве одного из аспектов семиотики, разработанной Ч. Пирсом (Пирс 2000) и Ч. Моррисом (Моррис 1982). Изначально данный термин использовался учеными для обозначения отношения знака к его пользователям. Однако позже, по мере развития данной науки, появились и другие точки зрения на определение прагмалингвистики и ее сферу интересов, в связи с чем внутри нее возникли различные течения.

Можно отметить, что в настоящее время прагматика не является однородной, в ней существует множество течений, сторонники которых придерживаются различных взглядов.

Во-первых, в настоящий момент в прагматике выделяется континентальный подход, исходящий из первоначальных идей Ч. Морриса, полагавшего, что прагматика занимается психологическими, биологическими и социологическими явлениями, связанными с функционированием знаков, и англо-американский, концентрирующийся на дейксисе, имплицатурах, пресуппозициях, речевых актах и дискурсе и

исключающий из сферы лингвопрагматики социолингвистические и психолингвистические проблемы. (Третьякова 1995:47; Ariel 2010: 16).

Во-вторых, можно отметить различное понимание лингвистами соотношения прагматики и семантики. Согласно Дж. Личу, как семантика, так и прагматика занимаются изучением значения, однако семантика рассматривает значение в чистом виде, как свойство выражений на определенном языке, в то время как прагматика дополнительно обращает внимание на те обстоятельства, при которых выражение было произнесено. (Leech 1983:6) Отталкиваясь от вышесказанного, Дж. Лич предлагает выделять три точки зрения относительно разграничения семантики и прагматики:

1. Комплиментаризм, согласно которому “семантика” и “прагматика” являются отдельными, хотя и близкими понятиями. Зарождение данного подхода связано с идеями Ч. Морриса (Моррис 1983), согласно которому предполагается четкое разграничение связи знака и реальности и знака и пользователя. Этому подхода придерживался сам Дж. Лич, однако многие другие лингвисты, в частности Анна Вержбицкая, сочли данный подход несостоятельным, поскольку сама природа человеческого языка не предполагает границы между экстралингвистической реальностью и психологическим и социальным миром пользователей языка. Значения, передаваемые при помощи естественного языка субъективны и антропоцентричны, их невозможно четко разделить на деннотативные и прагматические. (Wierzbicka 2003:16)

2. Прагматизм, согласно которому семантика считается частью прагматики, а значение рассматривается с точки зрения выбранного говорящим типа речевого акта. Последователи данного направления не признают искусственного разделения прагматического и деннотативного значений и признается антропоцентрическая природа языка.

3. Семантизм видит своей целью выявление семантических

универсалий для описания деятельностного характера языка и отождествляет лингвистическую семантику и лингвистическую прагматику. Примером подобного подхода могут служить работы представителей “генеративной семантики”.

4. Анной Вержбицкой также отмечается, что существует и четвертый подход, радикально-семантический при котором предлагается разграничивать прагматику лингвистическую, являющаяся частью связного, всеобъемлющего описания законов языка, и другие прагматики, относящиеся к области социологии, психологии, этнометодологии и т.д. При таком подходе лингвистическая прагматика считается неотъемлемой частью семантики. (Wierzbicka 2003: 18-19)

Несмотря на вышеупомянутые различия, большинство лингвистов, занимающихся лингвопрагматикой, отмечают, что ее неотъемлемой частью является разработанная Дж.Остином и Дж. Серлем теория речевых актов. Изначально Дж. Остин (Austin 1962) предложил ввести термин “речевой акт” для обозначения процесса воспроизведения высказывания в соответствии с обстоятельствами коммуникации. Согласно разработанной ученым теории, речевой акт членился на четыре основных компонента: локутивный акт, то есть процесс продуцирования высказывания, иллокутивный акт, или та коммуникативная цель, с которой говорящий произносит высказывание, а также перлокутивный акт, под которым подразумевается эффект, произведенный говорящим на слушающего, выражающийся в достижении/недостижении коммуникативной цели.

В дальнейшем идеи Дж. Остина были усовершенствованы и переосмыслены Дж. Серлем, предложившим разделить речевые акты на пять групп, отталкиваясь от иллокутивного акта: репрезентативы, передающие информацию об окружающей действительности и текущем положении дел; директивы, цель которых - заставить слушающего совершить желаемое действие; комиссивы, с помощью которых говорящий

возлагает на себя определенные обязательства; экспрессивы, служащие для выражения эмоций; и декларации, произносимые для установления соответствия между сказанным и реальностью. (Searle 1969)

Можно также отметить, что в настоящее время многие лингвисты, работающие в области прагматики, пришли к мысли о необходимости учитывать особенности проистекания коммуникации в разных странах. Эта идея привела к возникновению относительно нового направления лингвопрагматики – межкультурной лингвопрагматика, занимающейся изучением отличий в коммуникации представителей разных культур.

А. Вержбицка отмечает, что основой межкультурной лингвопрагматики, являются четыре основных постулата:

1. В разных сообществах люди говорят по-разному; эти различия серьезны и отличаются систематичностью;
2. Эти различия отражают различные культурные ценности, или иерархии ценностей;
3. Разные манеры говорить, разные стили общения могут быть объяснены при помощи различных независимо сформировавшихся культурных ценностей и культурных приоритетов. (Wierzbicka 2003: 69)

Таким образом, лингвопрагматика в настоящий момент является популярной и быстро развивающейся отраслью языкознания. Ее основной задачей является изучение закономерностей между особенностями коммуникации и использованием говорящим определенных языковых средств.

1.3. Эквивалентность перевода и прагматика

Перевод как один из видов речевой деятельности человека существует уже в течение многих веков, и так же достаточно долго. Можно отметить, что в разные эпохи к переводу предъявлялись совершенно разные требования, что объяснялось изменяющимися

потребностями людей. Появившийся в середине 20 века интерес ученых к прагматике, а также к разнообразным способам передачи информации и воздействия на адресата привел к появлению большого числа работ, рассматривающих перевод с коммуникативно-прагматической точки зрения, как специфический вид коммуникации с использованием двух языков (Миньяр-Белоручев 1996, Швейцер: 1988 и т.д.).

Такое понимание перевода привело к изменению самого понятия переводческой эквивалентности, которое является центральным для всей теории перевода. Если раньше переводческая эквивалентность рассматривалась лишь на уровне семантики текста, то позже ученые заинтересовались его прагматической составляющей, что привело к созданию термина “прагматическая эквивалентность”.

Можно отметить, что в настоящее время данное понятие может трактоваться по-разному разными учеными, однако, несмотря на отдельные разногласия, общим для всех походов является признание приоритета коммуникативной цели автора, а не формальных характеристик оригинала, которые считаются не столь важными. Также все исследователи соглашаются с тем, что при передаче смысла текста на другом языке необходимо постоянно учитывать свою аудиторию.

Согласно мнению части ученых, при переводе может достигаться несколько разных типов эквивалентности, и прагматическая является лишь одной из них. Такой точки зрения придерживаются, в частности, В. Коллер и М. Бейкер.

По мнению В.Коллера, при переводе следует выделять 5 типов эквивалентности:

1. Денотативная (Denotative Äquivalenz)
2. Коннотативная (Konnotative Äquivalenz)
3. Текстуально-нормативную (Textnormative Äquivalenz)
4. прагматическую (Pragmatische Äquivalenz)

5. формально-эстетическую (Formal-ästhetische Äquivalenz) (Koller 2004: 216).

Прагматическая эквивалентность связана с учетом особенностей адресата как получателя сообщения. Исследователь считает, что представить данные виды эквивалентности в виде четкой иерархической структуры невозможно, поскольку их важность непосредственно зависит от задач конкретного акта перевода и типа переводимого текста. (Koller 2004 : 266)

М. Бейкер, в свою очередь, предлагает систему уровней эквивалентности, ориентирующуюся на уровни языка. При этом прагматическая эквивалентность оказывается на самом верху иерархии, и связана с передачей в тексте перевода имплицатур и когерентности текста с целью воссоздания коммуникативного намерения в понятной для адресата форме (Baker 1992: 230-255). При этом, по мнению исследователя, прагматическая эквивалентность является лишь одним из многих факторов, которые необходимо учитывать при переводе.

Другие ученые отмечают особое место прагматической эквивалентности, утверждая, что она является главной целью перевода. Например. А.Д Швейцер. утверждает, что минимальным требованием, предъявляемым к переводу, является сохранение прагматического инварианта, под которым подразумевается соответствие между коммуникативной интенцией отправителя и коммуникативным эффектом, оказанным речевым произведением на слушателя. (Швейцер 1988:94). Выстраивая систему уровней эквивалентности, А.Д. Швейцер утверждает, что прагматический уровень эквивалентности является самым высоким, и для достижения эквивалентности на любом другом уровне, таким образом, требуется в первую очередь достижение эквивалентности на уровне прагматики.

Подобная точка зрения достаточно широко распространена в

современной лингвистике и поддерживается многими учеными, в частности Н.В Карповской (Карповская 2011: 98), Ковальчук Е.А. (Ковальчук 2015: 511) Н.В Карповская помимо этого утверждает, что в прагматическую составляющую перевода необходимо включать не только все то, что связано с экстралингвистическим аспектом коммуникативной деятельности, но также и особенности использования языковых средств, поскольку коммуникативная направленность речевого приводит к тому, что значение определенной языковой единицы становится инструментом для языкового действия. (Карповская, 2011: 99)

Таким образом можно сделать вывод, что среди ученых в настоящий момент имеются разногласия, касающиеся возможности и необходимости выстраивания жесткой системы уровней эквивалентности, при которой одни ее виды признаются более важными, чем другие. Подобные споры объясняются огромным разнообразием переводимых текстов и коммуникативных ситуаций, в которых происходит перевод.

1.4. Прагматическая эквивалентность и синонимичные понятия

Можно отметить, что термин «прагматическая эквивалентность», употребляющийся такими учеными, как А.Д. Швейцер, В. Коллер и т.д., не является устойчивым и общепринятым, часто вместо него могут употребляться близкие или синонимичные понятия.

Например, в работах Ю. Найды встречается термин “динамическая эквивалентность”, противопоставляющийся термину “формальная эквивалентность”. Если в первом случае задачей перевода является получение от адресата той реакции, которая подразумевалась текстом на исходном языке, то во втором – максимально точная передача формы и содержания оригинала. Выбирая первый тип перевода, переводчик в первую очередь ориентируется на максимально точную передачу сути сообщения адресату, и для достижения этой цели может изменять

структуру исходного текста. Второй же тип предполагает точное следование тексту оригинала, т.е. сохранения членения предложений, частей речи и порядка слов. Как правило, текст, полученный в результате следования принципу формальной эквивалентности, может использоваться только в качестве подстрочника.

Ю. Найда отмечает, что хотя абсолютно точный перевод высказываний не возможен, именно первый тип перевода может считаться самым близким естественным эквивалентом исходного сообщения (Найда 1978: 129), поскольку в таком случае во внимание принимаются такие важные для коммуникации факторы, как требования языка перевода, контекст сообщения и аудитория переводного текста (Найда 1978: 129). Таким образом, по мнению исследователя, именно динамической эквивалентности при переводе должно отдаваться предпочтение (Nida and Taber 1982:22). Можно отметить, что в более поздних работах Ю. Найда использует термин «функциональная эквивалентность», призванный акцентировать внимание на коммуникативной функции перевода (Nida and de Waard 1986:VII).

Вслед за Ю. Найдой термин “функциональная эквивалентность” использует и Т.П. Третьякова при разработке модели переводческого маневрирования, предполагающей учет трех критериев:

1. Тематического потенциала текста, то есть набора концептов и пропозиций, содержащихся в тексте.
2. Требований аудитории, то есть культурных и иных отличий людей, говорящих на исходном языке и языке перевода.
3. Способа презентации, то есть способа выражения автором оригинала своих мыслей. (Третьякова 2016)

Таким образом текст перевода, по мнению Т.П. Третьяковой, должен исполнять те же функции для людей, говорящих на целевом языке, какие оригинал исполнял для изначальной аудитории. (Третьякова, 2016: 69).

Г.Егер в своей работе также использует термин «функциональная эквивалентность», однако помимо этого также вводит термин «коммуникативная эквивалентность». Под коммуникативной эквивалентностью в таком случае понимается совпадение коммуникативной значимости двух текстов, то есть они вызывают равный коммуникативный эффект. Исследователь определяет коммуникативный эффект как возникновение в сознании адресата смыслов, задуманных адресантом. Таким образом, по мнению коммуникативная эквивалентность в большей мере относится к сфере психолингвистики. Понятие «функциональная эквивалентность», по мнению Г. Егера, относится к сохранению функциональной значимости текста при переводе, и может считаться более узким, поскольку не учитывает экстралингвистические прагматические отношения. Тем не менее, автор считает данные понятия очень близкими, и потому взаимозаменяемыми (Егер 1978)

Дж. Хауз в своей работе также использует термин «функциональная эквивалентность», однако в совершенно ином значении. Исследователем выдвигается теория, что функциональная эквивалентность подразумевает наличие межличностной (interpersonal) и понятийной (ideational) эквивалентностей. С межличностной эквивалентностью при таком подходе связано несколько прагматических аспектов, позволяющих составить наиболее полное представление об исходном тексте: язык (language), жанр (genre) и регистр (Register). Регистр, в свою очередь делится на поле (Field), или тему, предмет сообщения, тон сообщения (Tenor), или свойства адресата и адресанта сообщения, и модус (Mode), или свойства используемого канала передачи информации (House 1998). По мнению Дж Хауз, сохранение функциональной эквивалентности непосредственно связано с сохранение функции текста, под которой понимается возможность использовать данный текст в определенной ситуации. Автор отмечает, что в ее понимании термин «функциональная эквивалентность»

синонимичен термину «прагматическая эквивалентность» (House 2001:247).

Несколько иной точки зрения придерживается Л. Хики. Отталкиваясь от теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, исследователь вводит термин «перлокутивная эквивалентность», под которой понимается эквивалентность на уровне перлокутивного эффекта. Л. Хики употребляет понятие «перлокутивный эффект» достаточно широко, понимая под ним любую реакцию адресата, от простого понимания до выполнения определенных действий, причиной которой являются либо свойства самого сообщения, либо взаимодействием сообщения с контекстом или свойствами адресата. Исследователь признает, что разработанная им теория очень близка теории динамической/функциональной эквивалентности Ю. Найды, однако отмечает ее более жесткие требования к сохранению аналогичности эффекта исходного и переводного текстов. По его мнению, возникновение у адресатов перевода такой же цепочки реакция в ответ на текст сообщения, как у адресатов исходного текста является не просто желательным, а необходимым, поскольку это – главная цель перевода. (Hickey 1996)

Из вышесказанного следует, что перлокутивная эквивалентность Л. Хики, так же как и прагматическая эквивалентность, базируется на понятии коммуникативного эффекта, основное различие заключается в том, что прагматическая эквивалентность помимо перлокуции включает в себя и иллокуцию, т.е. позволяет учитывать изначальное коммуникативное намерение автора речевого произведения.

Также можно отметить, что данную теорию достаточно сложно применить на практике, поскольку, как отмечает М. Морини, измерение перлокутивного эффекта на адресата является практически невыполнимой задачей (Morini 2008:37)

Помимо вышеназванных терминов можно отметить термин “прагматическая адекватность”, предложенный А. Нойбертом, под которым понимается успешное сохранение коммуникативного эффекта при переводе. Исследователь предлагает разделять “точный по слагаемым” перевод, который воспроизводит прагматические отношения исходного текста, и “точный по образу” перевод, который при помощи различных переводческих приемов позволяет заменить прагматические отношения исходного текста аналогичными отношениями переводного текста, то есть приспосабливается к прагматическим правилам языка перевода. Последний позволяет переводчику свободно пользоваться различными переводческими приемами, обусловленными целью перевода. По мнению А. Нойберта, именно “точный по образу” перевод можно считать прагматически адекватным.

Можно сделать вывод, что в современном переводоведении существуют разные трактовки прагматической эквивалентности, что подчеркивается различиями в выборе терминов для ее обозначения. Основой данной работы станет точка зрения, высказанная Ю. Найдой, поскольку она предполагает учет обстоятельств коммуникации, т.е. позволяет в рамках исследования обратиться к речевым средствам, используемым говорящим.

1.5. Экспрессивность как лингвистическая категория

Многие ученые, в частности Иссерс О.С., отмечают возможность существования особых приемов, которые могут способствовать увеличению или уменьшению давления на адресата, усилению самопрезентации и т.д. (Иссерс 2003 58-60) Данное предположение было подтверждено Поспеловой А.Г. и Шиловой С.В., которые на примере деловой коммуникации рассматривают средства смягчения и усиления констатирующих, вопросительных и побудительных высказываний, а

также этикетных формул (Поспелова Шилова 2010). Для усиления коммуникативного намерения чаще всего используется экспрессивность, которая и будет рассмотрена далее.

Можно отметить, что в современной лингвистической литературе употребляется три очень близких по значению термина: “эмоциональность”, “эмотивность” и “экспрессивность”. Границы этих терминов достаточно размыты, поскольку в разных работах приводятся их различные определения.

В отношении соотношения понятий “эмоциональность” и “эмотивность” существуют две точки зрения.

Согласно первой из них, данные термины синонимичны, и связаны с выражением эмоций в речи. Такой точки зрения придерживались, например, Галкина-Федорук Е.М., Васильев Л.М. и т.д.

Согласно второй точке зрения, поддерживаемой Шаховским В.И. (Шаховский 1987: 24), эмоциональностью связана с психическим переживанием эмоций и относится к области психологии, в то время как эмотивность - это присущее языку свойство выражать при помощи своих средств эмоциональность.

Поскольку для данной работы разделение эмоциональности и эмотивности представляется нерелевантным, в дальнейшем для обозначения выражения эмоций при помощи языковых средств будет употребляться термин “эмоциональность”.

Термин “экспрессивный” впервые встречается в работе Шарля Балли, заметившего, что при коммуникации говорящий используются два типа элементов: логические, цель которых – передача фактов, информации о событии или явлении, и эмоциональные, или экспрессивные, предназначенные для передачи эмоций говорящего, вызванных окружающей его обстановкой, или его отношения к предмету или явлению (Балли 2001). Таким образом, между понятиями эмоциональность и

экспрессивность фактически ставился знак равенства.

В настоящий момент, однако, не все ученые поддерживают высказанные Шарлем Балли идеи, в результате чего в лингвистике сформировалось два подхода к соотношению понятий “эмоциональность” и “экспрессивность”.

Согласно первому подходу, термин “экспрессивность” отождествляется с усилением речи с целью выражения эмоций, и таким образом отождествляется с эмоциональностью.

Такой позиции придерживались, например, Гальперин И.Р., говоривший о выразительных, или экспрессивных, средствах языка как о способах эмоционального или логического усиления речи. (Гальперин 1958: 43). Также данной точки зрения придерживалась в своих ранних работах Арнольд И.В., определявшая экспрессивность как способность текста или его части передавать смысл с увеличенной интенсивностью, при этом отражая внутреннее состояние говорящего. (Арнольд 1972:2) По мнению Виноградова В.В., под экспрессивностью понимается выразительность и изобразительность (Виноградов 1977:162-189). Можно также отметить работу Александровой О.В., в которой уделяется внимание средствам экспрессивного синтаксиса (Александрова 1984).

Согласно второму, наиболее распространенному в настоящее время, экспрессивность и эмоциональность являются близкими, но не тождественными понятиями. В данном подходе можно выделить два течения.

Согласно первому из них, рассматривающему экспрессивность на лексическом уровне, данные понятия трактуются как равные компоненты значения слова, составляющие основу его необычности и выразительности или же экспрессивность считается результатом взаимодействия различных макрокомпонентов значения слова. При данном подходе экспрессивность сильно сближается с оценочностью, то есть субъективной оценкой

говорящим происходящего, а ее прагматические аспекты уходят на второй план. Под таким углом экспрессивность рассматривалась Телией В.Н., Васильевым Л.М. (Васильев 1962), Лукьяновой Н.А. (Лукьянова 1991) и некоторыми другими исследователями. Также подобных взглядов придерживалась в своих более поздних работах Арнольд И.В. (Арнольд 2010)

Согласно второму подходу, чаще всего рассматриваемому экспрессивность на более высоких уровнях, под ней следует понимать использование средств языка, направленных на передачу позиции говорящего с целью воздействия на адресата, а под эмоциональностью - высказывание собственных чувств, самовыражение. Таким образом, экспрессивность в данном случае можно считать более широкой категорией, чем эмоциональность, поскольку эмоциональность в обязательном порядке влечет за собой экспрессивность, однако экспрессивность не обязательно подразумевает выражение эмоций. Основоположницей данного подхода стала Е.М. Галкина-Федорук (Галкина-Федорук 1958), позже его придерживались в своих работах большинство современных лингвистов.

Например, Матвеева Т.В. (Матвеева 1986: 12) под экспрессивностью слов понимает их ориентированность на отражение позиции говорящего и соответствующее воздействие на адресата, а Чайковский Р.Р., отмечает при исследовании художественной речи, что ее экспрессивность непосредственно связана с необходимостью воздействия на читателя (Чайковский 1971).

Можно сделать вывод, что несмотря на смысловую близость понятий эмоциональности, эмотивности и экспрессивности, большинство ученых указывают на разницу между ними, понимая под экспрессивностью использования говорящим языковых средств для усиления коммуникативного намерения.

1.6. Способы выражения экспрессивности

Экспрессивные средства можно обнаружить на всех языковых уровнях.

В частности, фонетические экспрессивные средства изучались Шутниковой Р.С. (Шутникова 1989). В своей работе она относит к данной группе звукоподражание, аллитерацию, ритм и рифму, и утверждает, что полностью их возможности могут быть использованы лишь в устной речи, хотя отдельные фонетические элементы могут быть использованы и в письменной речи.

Экспрессивные возможности морфологии изучались Анной Вержбицкой. Занимаясь изучением экспрессивного словообразования в русском и английском языках на примере личных имен исследователь приходит к выводу, что присоединяемые к ним различные уменьшительно-ласкательные суффиксы имеют определенные закономерности в использовании и служат в качестве экспрессивных средств. (Вержбицкая 1996:89-192)

Однако наибольший интерес с точки зрения экспрессивности для лингвистов представляют лексический и синтаксический уровни языка, так как именно они наиболее богаты разнообразными экспрессивными средствами, регулярно используемыми во время как устной, так и письменной коммуникации.

Лексической экспрессивности посвящены работы Матвеевой Т.В. Цоллер В.Н., Телия В.Н. и Лукьяновой Н.А.

Согласно Матвеевой Т.В., экспрессивность лексической единицы выявляется при ее сравнении с соответствующей ей чисто понятийной единицей, в качестве которой может выступать стилистически нейтральный синоним (Матвеева 1986: 23). По мнению исследователя, при создании экспрессивно окрашенных лексем и лексико-семантических вариантов наиболее часто используются семы, отражающие параметры

объектов и явлений, например, размер, количество и т.д.

Похожей точки зрения придерживается и Цоллер В.Н, полагающая, что экспрессивность лексической единицы, обладающей экспрессивным мотивирующим признаком, связана с ее двуплановостью, так как она может быть выявлена только на фоне нейтральной лексической единицы, лишенной такого компонента.(Цоллер 1996)

По мнению Телии В.Н., экспрессивность слова порождается наложением оценочного (выражающего объективную оценку, как, например, в слове “острый (слух)”) и эмотивного (указывающего на отношение говорящего к происходящему, как правило одобрение или неодобрение) макрокомпонентов значения на лексико-грамматическую структуру наименования. (Телия 1991)

Идеи Телии В.Н. находят свое развитие в работах Лукьяновой Н.А., отмечающей, что при метафоризации с целью создания экспрессивности у одного и того же слова в зависимости от контекста может меняться модус оценки (например, слово “сладкий” может использоваться для выражения как положительного (сладкий сон), так и отрицательного (сладкие речи) отношения говорящего. (Лукьянова 1991)

Можно отметить, что на лексическом уровне экспрессивность может достигаться не только благодаря использованию отдельных слов, обладающих экспрессивной окраской, но и также благодаря повтору неэкспрессивной лексики в рамках одного или нескольких высказываний, что отмечается в работе Иванчиковой Е.А. (Иванчикова 1969)

Большое количество работ посвящено и возможностям экспрессивного синтаксиса. К отдельным средствам обращались в своих работах Кузьмина Т.Е., исследовавшая явление парцелляции (Кузьмина 1989), и в Куралева Т.В., обратившаяся к экспрессивным возможностям т.н. расщепленных предложений (Куралева 2013). В некоторых работах синтаксические экспрессивные средства рассматриваются в комплексе,

приводятся их подробные классификации. Например, исследователи Куралева Т.В и Абдульманова А.Х предлагают разделять средства экспрессивного синтаксиса на три группы:

1. Экспрессивные средства, связанные с усложнением синтаксической структуры, к которым относятся расщепленные предложения и относительные предложения с присоединительной связью и парентетические внесения;

2. Экспрессивные средства, связанные с отступлением от грамматической нормы, такие как инверсия, эмфатическое “do” и умолчания.

3. Дискурсивные средства, включающие в себя диалогический повтор, использование инициальных союзов и парцелляцию. (Куралева, Абдульманова 2015)

Александрова О.В. выделяет в качестве экспрессивных синтаксических средств парентетические внесения и парцелляцию. Также исследователь полагает, что к экспрессивному синтаксису в письменной речи можно также отнести нестандартное использование знаков препинания. (Александрова 1984: 97-126) Важно отметить, что настолько радикальные отличия от предыдущей классификации объясняются тем, что Александрова О.В. не разделяет понятия эмоциональности и экспрессивности, полагая, что экспрессивность представляет собой выражение говорящим своих чувств и эмоций. (Александрова 1984: 7)

Можно отметить, что некоторые лингвисты предпринимали попытку создать всеобъемлющую классификацию экспрессивных средств. Например, Пospelова А.Г. рассматривает в своей работе как лексические, так и синтаксические средства усиления коммуникативного намерения. (Пospelова 1982) Отталкиваясь от классификации речевых актов, предложенных Дж. Остином и Дж. Серлем, исследователь выделяет следующие группы экспрессивных средств:

1. Для усиления констатирующего коммуникативного намерения, под которым понимается сообщение о чем-либо, используются эксплицитно выраженные перформативы, например, *I tell you, I faithfully promise* и т.д.

2. Директивное коммуникативное намерение, присутствующее, например, в приказах, просьбах, советах, вопросах и т.д. может быть усилено при помощи различного вида повторов (контактных и дистантных), использования местоимения второго лица (например, *Don't you think any more about it*), эмфатического *do*, а также определенных устойчивых выражений, таких как *“for heaven's sake”, “for God's sake”* и т.д. В косвенных высказываниях наиболее часто используются повторы. В редких случаях для повышения экспрессивности может использоваться эксплицитно представленные перформативы.

3. Экспрессивными средствами усиления эмотивного коммуникативного намерения являются контактные повторы и устойчивые выражения, такие как *of all people, on earth* и т.д.

4. Средства усиления контактоустанавливающего коммуникативного намерения включают в себя повторы и инверсию.

Таки образом можно сделать вывод, что различного рода экспрессивные средства встречаются на всех уровнях языка, однако наиболее распространены на лексическом и синтаксическом уровнях языка. По этой причине изучение именно этих уровней представляется исследователям наиболее важным и интересным с точки зрения материала.

Выводы по Главе I

1. Человеческая коммуникация представляет собой сложное и многогранное явление. Она может происходить в самых различных формах. При изучении коммуникации обычно обращают внимание на используемый код (т.е. является ли коммуникация вербальной/невербальной), а также на личные особенности коммуникантов.

2. Исследование коммуникации проводится в рамках лингвопрагматики, изучающей связь обстоятельств коммуникации и использования говорящим различных языковых средств.

3. При рассмотрении последнего лингвисты обычно оперируют понятиями “экспрессивный”, “эмоциональный” и “эмотивный”, между которыми в настоящий момент не проведено четкой общепринятой грани. Тем не менее можно отметить, что термин “эмоциональный” чаще используется для обозначения внутреннего состояния человека, термин “эмотивный” – для обозначения выражению эмоций посредством языка, а термин “экспрессивный” – для обозначения языковых средств, используемых говорящим для оказания воздействия на адресата с целью достижения своих целей. Экспрессивные средства наиболее распространены на лексическом и синтаксическом уровнях языка.

4. Передача экспрессивности в переводе рассматривается в рамках прагматической эквивалентности. В настоящий момент среди лингвистов не существует единого стандарта достижения или утраты прагматической эквивалентности в переводе, что подчеркивается существованием в релевантной литературе целого ряда похожих по значению терминов, таких как “динамическая/функциональная эквивалентность”, “перлокутивная эквивалентность”, “прагматическая

адекватность”. Помимо этого можно отметить, что ряд лингвистов рассматривает прагматическую эквивалентность как основную задачу и главную цель любого перевода, в то время как другие полагают, что разнообразие коммуникативных ситуаций делает невозможным выстраивание четкой иерархии между разными видами эквивалентности.

Настоящая работа будет ориентироваться на точку зрения, высказанную американским лингвистом Ю. Найдой, полагавшим, что основной целью прагматической (или, используя термины ученого, функциональной) эквивалентности является максимально точная передача при переводе речевой интенции говорящего с учетом требований языка перевода, контекста сообщения и аудитории переводного текста. Такая позиция позволяет учитывать при анализе все возможные коммуникативные факторы.

ГЛАВА II. Экспрессивность в переводоведческом аспекте.

В качестве источников материала для исследования были выбраны произведения современного американского писателя Д. Брауна «Angels and Demons» и «The Da Vinci Code», а также их переводы на русский (выполненные Косовым Г.Б. и Рейн Н.В. соответственно) и на немецкий (выполненные Алексом Мерцем и Питом ван Поллом) языки. Данные произведения насыщены большим количеством диалогов, в которых используется современный живой разговорный язык. В ходе исследования было проанализировано 223 примеров использования экспрессивности.

Для классифицирования полученных примеров была применена модифицированная классификация экспрессивных средств, предложенная Поспеловой А.Г. В результате исследуемый материал был разделен на 6 групп в зависимости от коммуникативной цели высказываний: средства усиления констатирующего коммуникативного намерения, средства усиления директивного коммуникативного намерения, средства усиления эмотивно-экспрессивных высказываний и средства усиления контактоустанавливающего коммуникативного намерения.

2.1 Экспрессивные средства в высказываниях с констатирующим коммуникативным намерением.

Абсолютное большинство рассмотренных примеров (более 80% или 177 примеров) относится к констатирующим высказываниям. В ходе исследования было выявлено, что данные высказывания могут быть разделены на две группы: репрезентативы (сообщения о текущем положении дел) и комиссивы (сообщения о взятии говорящим на себя определенных обязательств). Средства усиления такого типа высказываний могут быть разделены на две группы: монологические и диалогические. Ниже данные типы экспрессивных средств будут

рассмотрены подробнее.

2.1.1. Монологические экспрессивные средства в констатирующих высказываниях.

Репрезентативы

Наибольшее количество высказываний с констатирующим коммуникативным намерением относится к категории репрезентативов. Монологические экспрессивные средства, встречающиеся в такого рода высказываниях, могут быть разделены на две группы: лексические и синтаксические.

К лексическим экспрессивным средствам можно отнести использование слов и выражений, усиливающих общий констатирующий характер высказывания.

В первую очередь к ним можно отнести 10 примеров использования эксплицитно выраженных перформативов, например, “I swear”.

(1)

ИЯ: I swear, sometimes it's like baby-sitting a child. (DVC гл. 82)	ПЯ 1: Нет, ей-богу, иногда я чувствую себя нянькой при малом ребенке	ПЯ 2: Manchmal komme ich mir wie ein Babysitter vor.
--	--	--

В данном случае в оригинальном тексте глагол “swear” используется в значении “you are saying very firmly that it is true” (CDO) для общего усиления говорящим собственного высказывания.

В ПЯ 1 переводчику удастся сохранить экспрессивность при помощи использования русского междометия “ей-богу”, имеющего значение “Возглас, выражающий подтверждение чего-либо или клятвенное заверение в чём-либо” (ТСЕ). Тем не менее можно отметить, что данное слово относится к разговорным, соответственно, в переводе присутствует изменение регистра, что приводит к частичному искажению в переводе коммуникативной интенции говорящего.

В ПЯ 2 экспрессивность высказывание утрачивается,

соответственно, прагматическая эквивалентность в данном случае не достигается.

Также для создания экспрессивности может использоваться сочетание повелительного наклонения глаголов “believe” или “trust” с местоимением первого лица.

(2)

ИЯ: Believe me, I empathize with your personal incentive to catch this man. (AD Гл. 43)	ПЯ 1: Поверьте, я прекрасно понимаю ваше личное желание поймать этого человека.	ПЯ 2: Glauben Sie mir, ich bin genauso begierig darauf wie Sie, diesen Mann zu fassen.
---	---	--

В исходном тексте для усиления коммуникативного намерения используется фраза “believe me”, которая подчеркивает правдивость суждения. (MWD).

В ПЯ 1 эмфатичность передается при помощи использования повелительного наклонения глагола “поверить”, использующегося с целью придания большей убедительности сказанному. (MAC)

В ПЯ 2 также происходит сохранение прагматической эквивалентности благодаря использованию повелительного наклонения глагола “glauben”, являющимся эквивалентом глагола “believe”, согласно толкованию словаря Duden.

Подобных примеров было выявлено 30.

Также для усиления констативов может использоваться выражение “for heaven’s sake”, которое употребляется для придания большей силы высказыванию (MWD). Всего к данной группе относятся 5 примеров.

(3)

ИЯ: I'm not an arms dealer, for heaven's sake. (DVC Гл. 80)	ПЯ 1: Я ведь не какой-нибудь там торговец оружием, упаси Господи!	ПЯ 2: Mein Gott, ich bin schließlich kein Waffenhändler.
---	---	--

В оригинальном тексте персонаж прибегает к использованию выражения “for for heaven's sake” для дополнительного подтверждения

правдивости высказанного.

В ПЯ 1 экспрессивность сохраняется благодаря использованию выражения “упаси Господи”, однако его использование придает высказыванию разговорную окраску, отсутствовавшую в оригинальном тексте (ФС). Помимо этого, в результате использования восклицательного знака высказывание приобретает дополнительную эмотивную окраску, отсутствовавшую в оригинальном тексте.

В ПЯ 2 прагматическая эквивалентность сохраняется в максимально возможной степени, поскольку экспрессивное выражение передается при помощи своего немецкого аналога.

Далее рассмотрим пример, в котором для усиления коммуникативного намерения используется фраза “of all people”.

(4)

ИЯ: And when it does, I trust that you, of all people, can keep a secret. (DVC Гл. 105)	ПЯ 1: А когда поймете... верю, вы, как никто другой, будете способны сохранить это в тайне.	ПЯ 2: Und ich bin überzeugt, dann werden Sie sich als Mensch erweisen, der ein Geheimnis für sich behalten kann
---	---	---

В данном примере в оригинальном тексте при помощи выражения “of all people” (used to emphasize that a specified person is the person one most or least expect to do or know something) (MWD) делается акцент на ожиданиях говорящего от слушающего.

В ПЯ 1 прагматическая эквивалентность высказывания не сохраняется, поскольку экспрессивное выражение при переводе передается при помощи нейтральной фразы “как никто другой”.

В ПЯ 2 наблюдается аналогичная ситуация: экспрессивное высказывание в переводе становится нейтральным.

Подобных примеров было выявлено 21.

Обратимся к примерам использования синтаксических экспрессивных средств.

К данной группе относятся в первую очередь различного рода повторы, используемые для акцентирования внимания слушающего на определенной информации. В основном в высказываниях встречаются дистантные повторы: высказываний с ними было обнаружено 24.

(5)

ИЯ: A new Illuminati emerged. A darker Illuminati. A deeply anti-Christian Illuminati. (AD Гл. 9)	ПЯ 1: Стали появляться "просвещенные", лелеющие куда более темные замыслы и цели. Это были яростные противники христианства.	ПЯ 2: Eine neue Bruderschaft entstand. Eine dunklere Bruderschaft. Eine tief antichristliche Bruderschaft von Illuminati.
---	--	---

В оригинале наблюдается тройной дистантный повтор заимствованного итальянского слова «Illuminati».

В ПЯ 1 полностью меняется сама структура сообщения: содержание исходных трех микро-РА передается при помощи двух. Помимо этого, переводчик вместо заимствованного слова использует его перевод. В результате подобных изменений контактный повтор теряется, и таким образом степень экспрессивности перевода становится ниже.

В ПЯ 2 структура сообщения остается неизменной. Переводчик прибегает к приему генерализации: вместо заимствованного гипонима использует более употребимый и понятный гипероним, но, тем не менее, передает использованное в оригинале средство выражения экспрессивности. Таким образом, несмотря на определенную утрату лексической экспрессивности, выражаемой иноязычным словом, в целом прагматическая эквивалентность сохраняется.

Помимо дистантных повторов, было также обнаружено 20 примеров контактных повторов.

(6)

ИЯ: But this poem refers to a <i>tomb</i> . A tomb in London (DVC гл. 82)	ПЯ 1: Но в нашем стихотворении говорится о <i>могиле</i> . И могила эта в	ПЯ 2: Aber unser Gedicht spricht von einem Grab, einem Grab in <i>London</i> ...
---	---	--

	Лондоне.	
--	----------	--

В данном примере экспрессивность оригинального сообщения, представленного в форме двух микро-РА, достигается при помощи использования контактного повтора слова “tomb”.

Как в ПЯ 1, так и в ПЯ 2 экспрессивный повтор сохраняется, что позволяет сделать вывод о максимально возможной степени прагматической эквивалентности между оригиналом и переводом, хотя в немецком языке происходит объединение двух микро-РА в один.

В тексте романов также активно используют различного рода эмфатические синтаксические средства с целью расстановки акцентов в речи персонажей. В первую очередь можно отметить использование эмфатического *do*, встречающееся в 21 примере.

(7)

И.Я: Everything <i>does</i> fall. (AD Гл.17)	ПЯ 1: Действительно, все падает.	ПЯ 2: Alle Dinge fallen!
---	----------------------------------	--------------------------

Такой способ усиления коммуникативного намерения не имеет аналогов ни в русском, ни в немецком языках, в результате чего переводчикам приходится прибегать к иным экспрессивным средствам языка перевода, либо отказываться от передачи экспрессивности.

В ПЯ 1 значение оригинальной экспрессивной синтаксической конструкции передается при помощи вводного слова «действительно», используемого для подтверждения какой-либо мысли или выражения уверенности в чем-либо либо (БТСРЯ), т.е. в целом коммуникативное намерение говорящего, а, следовательно, и прагматическая эквивалентность, сохраняется.

В ПЯ 2 происходит превращение экспрессивного высказывания в стандартное, помимо этого добавляется дополнительный эмотивный компонент в виде восклицательного знака. В результате подобных изменений происходит значительное искажение коммуникативной

интенции говорящего, и прагматическая эквивалентность в переводе не достигается.

Также было выявлено 13 примеров использования эмфатических конструкций, таких как “it is/was...that/who”, для акцентирования внимания на подлежащем предложения.

(8)

И.Я.: You proliferate weapons of mass destruction, but it is the Pope who travels the world beseeching leaders to use restraint. (AD Гл. 94)	ПЯ 1: Вы делаете все, чтобы распространить по земному шару оружие массового уничтожения, в то время как понтифик странствует по миру, умоляя политических лидеров не поддаваться этому безумию.	ПЯ 2: Sie entwickeln Massenvernichtungswaffen, doch es war der Papst, der durch die Welt reisen und die nationalen Führer um Zurückhaltung anflehen musste.
--	---	---

В данном примере в оригинальном тексте используется английская эмфатическая конструкция. Можно отметить, что такой способ усиления коммуникативного намерения, также как и предыдущий, не имеет аналогов в русском языке.

В ПЯ 1 использованная в оригинальном тексте экспрессивная синтаксическая конструкция, аналог которой в русском языке отсутствует, не передается иными языковыми средствами, что влечет за собой неполный перевод коммуникативной интенции говорящего.

В ПЯ 2 английская экспрессивная конструкция заменяется аналогичной немецкой, в результате чего экспрессивность высказывания сохраняется и при переводе достигается максимально возможная степень прагматической эквивалентности.

Также в 19 случаях персонажи романа прибегают к использованию парцелляции. Можно отметить, что парцеллированная часть предложения может иметь разный состав. Чаще всего наблюдается парцелляция с использованием дополнений (11 примеров).

(9)

ИЯ: The Bible is a product of <i>man</i> , my dear. Not of God. (DVC Гл. 55)	ПЯ 1: Библия – это творение человека, моя дорогая, а вовсе не Бога	ПЯ 2: Er meint damit, dass die Heilige Schrift keine Schöpfung Gottes ist, sondern der Menschen.
--	--	--

В ИЯ присутствует парцелляция, с помощью которой говорящий стремится сделать акцент на противопоставлении слов “man” и “god”.

В ПЯ 1 противопоставление сохраняется, однако утрачивается парцелляция, что ведет к утрате экспрессивности высказывания.

В ПЯ 2 наблюдается аналогичная ситуация: экспрессивность высказывания не передается никакими средствами, при этом также происходит дополнительная экспликация при помощи слов “Er meint damit”.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что ни в одном из представленных переводов прагматическая эквивалентность не достигается.

Также были выявлены примеры использования парцелляции с использованием глаголов-сказуемых (8).

(10)

ИЯ: A knight a Pope <i>buried</i> . Or killed. (DVC Гл. 82)	ПЯ 1: Рыцарь, похороненный папой. Или убитый им.	ПЯ 2: Wir suchen einen Ritter, den ein Papst unter die Erde gebracht oder umgebracht hat.
---	--	---

В оригинальном тексте говорящий использует парцелляцию для акцентирования внимания слушающего на слове “killed”.

В ПЯ 1 происходит замена глаголов на прилагательные, однако в целом это не оказывает влияния на коммуникативную интенцию, соответственно, в данном случае можно говорить о максимально возможной степени прагматической эквивалентности.

В ПЯ 2 переводчик отказывается от передачи парцелляции, в

результате чего коммуникативное намерение говорящего подвергается искажению.

Был также обнаружен пример, в котором используется сочетание парцелляции с другим эмфатическим средством.

(11)

ИЯ: The verse <i>does</i> point here to Rosslyn. Completely. Perfectly. (DVC Гл. 105)	ПЯ 1: Значит, в стихотворении действительно говорится о часовне Рослин. Да, все сходится. Просто идеально.	ПЯ 2: Dann weist der Vers also doch nach Rosslyn.
---	--	---

В данном примере в оригинальном тексте для усиления коммуникативного намерения говорящий использует не только парцелляцию, но и эмфатическое *do*.

В ПЯ 1 в переводе достигается максимально возможная степень прагматической эквивалентности, поскольку парцелляция сохраняется, а значение, выражаемое в оригинальном тексте при помощи эмфатического *do* передается с помощью слова “действительно”, используемого для подтверждения какой-либо мысли или выражения уверенности в чем-либо либо (БТСРЯ).

В ПЯ 2 наблюдается полная утрата экспрессивных средств, соответственно, в данном случае прагматическая эквивалентность не достигается.

В трех примерах из собранного материала экспрессивность речи достигается при помощи инверсии.

Во-первых, это собственно инверсия, при которой происходит изменение позиций подлежащего и сказуемого в предложении.

(12)

ИЯ: Notably absent from our screens tonight is the face of Robert Langdon [...](AD Гл	ПЯ 1: Не может остаться незамеченным отсутствие сегодня на наших экранах	ПЯ 2: Auf den Bildschirmen fuhr wird jedoch das Gesicht Robert Langdons vermisst.
---	--	---

105)	Роберта Лэнгдона [...]	
------	------------------------	--

В оригинальном тексте, состоящем из одного высказывания, инверсия используется для акцентирования внимания слушающего на субъекте коммуникации (главном герое романа Роберте Лэнгтоне).

В ПЯ 1 инверсия сохраняется, что позволяет говорить о максимально возможной степени прагматической эквивалентности.

В ПЯ 2 можно наблюдать аналогичную ситуацию, соответственно, данный перевод также будет в максимальной степени прагматически эквивалентен оригиналу.

Также было выявлено два примера инверсии с использованием второстепенных членов предложения.

(13)

ИЯ: <i>Flying I can handle.</i> (AD Гл.4.)	ПЯ 1:Перелет я как-нибудь переживу[...]	ПЯ 2: [...] <i>aber fliegen?</i> <i>Damit komme ich klar.</i>
---	---	--

В оригинальном тексте используется так называемая “конструкция с выдвижением”, представляющая собой периферийный тип инверсии (Куралева Абдульманова: 2015).

В ПЯ 1 конструкция с выдвижением сохраняется, соответственно, можно говорить о максимально возможной степени прагматической эквивалентности между оригиналом и переводом.

В ПЯ 2 наблюдается утрата инверсии, помимо этого происходит изменение членения речи: содержание одного РА передается при помощи двух, один из которых является вопросом. Таким образом, в данном случае перевод не является прагматически эквивалентным оригиналу.

Также к экспрессивным констативам относится риторический вопросы (Поспелова 1982), которые используются для косвенного выражения констатирующего коммуникативного намерения. Таких примеров было выявлено 3.

(14)

ИЯ: What good is flagging Langdon if she can do all his dirty work? (DVC Гл.37)	ПЯ 1: Это она делает за Лэнгдона всю грязную работу!	ПЯ 2: Was haben wir davon, wenn nach Langdon gefahndet wird, und Neveu kann nach Belieben die Drecksarbeit für ihn machen?
---	--	--

В оригинальном тексте экспрессивность речи персонажа достигается при помощи использования риторического вопроса.

В ПЯ 1 экспрессивность высказывания утрачивается, поскольку риторический вопрос преобразуется в утверждение. Также можно отметить, что вследствие появления восклицательного знака у текста перевода появляется дополнительная эмотивность, отсутствовавшая в оригинальном тексте. Вышесказанное позволяет сделать вывод, что в данном случае прагматическая эквивалентность не достигается.

В ПЯ 2 риторический вопрос сохраняется, однако наблюдается большая экспликация смысла. Несмотря на данный факт, в целом коммуникативная интенция говорящего при переводе сохраняется.

Помимо вышеназванных экспрессивных средств, в 3 примерах для усиления коммуникативного намерения персонажи используют повтор синтаксических структур в нескольких идущих друг за другом предложениях.

(15)

ИЯ: Science tells me God must exist. My mind tells me I will never understand God. And my heart tells me I am not meant to. (AD Гл. 31)	ПЯ 1: Наука говорит мне, что Бог должен существовать. Но мой разум утверждает, что я никогда не смогу понять Бога. А сердце тем временем подсказывает, что я для этого вовсе и не	ПЯ 2: Die Wissenschaft verrät mir, dass es einen Gott geben <i>muss</i> . Mein Verstand sagt mir, dass ich diesen Gott niemals begreifen werde. Und mein Herz sagt, dass ich ihn niemals begreifen <i>soll</i> .
---	---	--

	предназначена	
--	---------------	--

Высказывание на английском языке состоит из трех микро-РА, представляющих собой сложные предложения, в первой части которых присутствует повторяющаяся синтаксическая структура “smth tells me smth”. Помимо этого, в последнем предложении используется ситуативных эллипсис.(Петрова 2011: 271-275). Также можно отметить дистантный повтор слова “God”.

В ПЯ 1 переводчик сохраняет дистантный повтор, однако происходит замена одного английского слова “tell” тремя синонимами: “говорит”, “утверждает”, “подсказывает”. Помимо этого, в последнем предложении синтаксический параллелизм нарушается в результате вставки наречия “тем временем”. Также переводчик с помощью экспликации избавляется от эллипсиса в последнем микро-РА. Таким образом, в данном случае происходит искажение коммуникативного намерения говорящего.

В ПЯ 2 наблюдается похожая ситуация: замена английского слова “tell” синонимами “verraten” и “sagen”, исчезновение эллипсиса в последнем микро-РА в результате экспликации. Также можно отметить появление а переводе дистантного повтора слова “begreifen”.

Можно отметить, что все вышерассмотренные экспрессивные средства могут использоваться как отдельно, так и в комплексе друг с другом. Выше был рассмотрен пример сочетания двух видов синтаксических экспрессивных средств, однако можно отметить, что возможно также и присутствие в предложении как синтаксических, так и лексических экспрессивных средств.

(16)

ИЯ: Mr. Langdon, believe me, that missing eye does indeed serve a higher	ПЯ 1: Ошибаетесь, мистер Лэнгдон, похищение глаза Ветра преследует иную,	ПЯ 2: Mr. Langdon, bitte glauben Sie mir, dieses fehlende Auge dient einem
--	--	--

purpose... a much higher purpose. (AD Гл 14)	весьма серьезную цель	höheren Zweck. Einem sehr viel höheren Zweck.
--	-----------------------	---

В исходном тексте используется сочетание пяти экспрессивных средств: трех лексических (устойчивая фраза “believe me”, наречие-интенсификатор “indeed”, контактный повтор словосочетания “higher purpose”) и двух синтаксических (парцелляция с использованием дополнения и эмфатическое do).

В ПЯ 1 экспрессивность высказывания полностью утрачивается, так как не сохраняется ни одно из использованных в оригинале экспрессивных средств, в результате чего коммуникативное намерение автора в переводе претерпевает существенные изменения.

В ПЯ 2 лексические экспрессивные средства сохраняются частично: в переводе присутствует синтаксический повтор словосочетания “höheren Zweck” и экспрессивная фраза “glauben Sie mir”, однако значение наречия-интенсификатора никаким образом не передается. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении синтаксических средств: сохраняется парцелляция, однако утрачивается эмфатическое do.

Таким образом можно сказать, что в случае перевода сложных, насыщенных экспрессией высказываний ни в одном из рассмотренных языков достичь прагматической эквивалентности не удастся.

Комиссивы

Можно отметить, что количество комиссивов, в романах очень невелико. Был выявлен всего один подобный пример, представляющий собой речевые акты угрозы.

(17)

ИЯ: I swear on my life, before this night is over, I will find you. And when I	ПЯ 1: - Клянусь жизнью, что найду тебя еще до того, как кончится эта ночь. А	ПЯ 2: Ich schwöre bei meinem Leben, noch bevor diese Nacht vorüber ist, habe
--	--	--

do...(AD Гл 41)	затем...	ich Sie gefunden! Und wenn ich Sie gefunden habe...
-----------------	----------	---

В данном случае в оригинальном тексте, состоящем из двух микро-РЯ для усиления угрозы говорящий использует умолчание.

В ПЯ 1 сохраняется как коммуникативная интенция высказывания, так и умолчание, что позволяет сделать вывод о максимально возможной степени прагматической эквивалентности между оригиналом и переводом.

В ПЯ 2 экспрессивное средство сохраняется, однако у первого из речевых актов появляется дополнительное эмотивное значение вследствие добавления восклицательного знака, из чего можно сделать вывод, что прагматическая эквивалентность в данном случае не достигается.

Можно сделать вывод, что монологические экспрессивные средства в речи персонажей романа чаще всего встречаются в речевых актах-репрезентативных, в речевых актах-комиссивах они практически не обнаружены. Писатель прибегает к использованию всего разнообразия средств усиления коммуникативного намерения, однако в целом заметно превалирование различного рода повторов.

2.1.2. Диалогические экспрессивные средства в констатирующих высказываниях.

В текстах рассмотренных романов диалогическое экспрессивное средство, представленное диалогическим повтором, встречается как в чистом виде, так и в комбинации с лексическими или синтаксическими монологическими экспрессивными средствами.

Вначале обратимся к примеру, содержащему только диалогический повтор.

(18)

ИЯ: You have done well. We have done well. (DVC 94)	ПЯ 1: Ты прекрасно справился. Мы справились вместе!	ПЯ 2: Sie haben Ihre Sache sehr gut gemacht. Wir haben unsere Sache gut
--	--	--

		gemacht.
--	--	----------

В данном случае в оригинальном тексте в ответной реплике усиление коммуникативного намерения достигается при помощи использования повтора синтаксической структуры реплики-стимула.

В ПЯ 1 синтаксическая структура ответной реплики претерпевает серьезные изменения, в результате чего происходит утрата диалогического повтора. Помимо этого, в результате добавления восклицательного знака у высказывания появляется дополнительный эмотивный смысл, отсутствовавший в оригинальном тексте.

В ПЯ 2 синтаксическая структура обоих высказываний остается неизменной, что позволяет говорить о сохранении экспрессивности и достижении в переводе максимально возможной степени прагматической эквивалентности.

Рассмотрим пример сочетания использования диалогического и монологического лексического экспрессивных средств.

(19)

ИЯ: My God... you really did it. My <i>father</i> did it. (AD Гл. 21)	ПЯ 1: Боже мой... вы действительно это сделали. Это сделал мой отец.	ПЯ 2: Mein Gott, Vittoria. Sie haben es tatsächlich geschafft! <i>Mein Vater</i> hat es geschafft.
---	---	---

В оригинальном тексте в реплике-стимуле говорящий подчеркивает свое удивление при помощи фразы “my God” (used to emphasize how surprised, angry, shocked) (CD), а также наречия really (used to emphasize a statement or opinion) (OD). В ответной реплике усиление коммуникативного намерения происходит при помощи копирования синтаксической структуры.

В ПЯ 1 монологические экспрессивные средства реплики-стимула сохраняются и передаются при помощи аналогичных экспрессивных средств русского языка, однако синтаксический параллелизм ответной реплики утрачивается в результате грамматических особенностей русского

языка.

В ПЯ 2 также сохраняются все монологические экспрессивные средства реплики-стимула, при этом происходит сохранение синтаксического параллелизма ответной реплики. Тем не менее, данный перевод не может считаться в полной мере прагматически адекватным, поскольку у второго микро-РЯ вследствие добавления восклицательного знака появляется дополнительная эмотивность, отсутствовавшая в оригинальном тексте.

Далее обратимся к примеру комбинации диалогический и синтаксических монологических экспрессивных средств.

(20)

ИЯ: I'm the one who screwed up at the Pantheon. But I'm the one with the gun. (AD Гл. 65)	ПЯ 1: Я тот, кто все испортил, назвав местом убийства Пантеон. Но зато у меня имеется пистолет.	ПЯ 2: Ich bin derjenige, der Mist gebaut hat, oder? Aber ich bin diejenige mit der Pistole.
---	--	--

В данном примере в оригинальном тексте в реплике-стимуле используется “cleft sentence”, затем данная конструкция в эллиптическом виде повторяется в ответной реплике. Также первый из собеседников прибегает к использованию фразового глагола “screw up”, носящего ярко выраженную разговорную окраску (LD).

В ПЯ 1 переводчиком не сохраняется ни использование “cleft sentence”, ни его повторение с добавлением эллипсиса в ответной реплике. Помимо этого, разговорная окраска первой реплики исчезает в результате использования стилистически нейтрального слова “испортить” (TCE)

В ПЯ 2 наблюдается сохранение экспрессивных средств в обеих репликах. Также сохраняется и разговорная окраска благодаря использованию устойчивого сочетания “der Mist bauen”, относящегося к разговорному стилю языка (PONS). Тем не менее, добавление к первой реплике вопроса, отсутствовавшего в оригинальном тексте, не позволяет

назвать данный перевод прагматически эквивалентным оригиналу.

Таким образом можно отметить, что все высказывания, усиленные при помощи диалогического повтора, являются репрезентативами. При переводе высказываний, содержащих только диалогический повтор, для немецкого языка удастся достигнуть максимально возможной степени прагматической эквивалентности, однако в случае его сочетания с монологическим экспрессивным средством ни в одном из двух рассматриваемых переводов прагматической эквивалентности достичь не удастся.

2.2 Экспрессивные средства в высказываниях с директивным коммуникативным намерением.

В ходе исследования было выявлено 22 примера, в которых происходит усиления директивного коммуникативного намерения. Данные примеры могут быть разделены на две группы: в первую из них войдут приказы, предупреждения, просьбы и команды, во вторую – вопросы. Для удобства дальнейшего описания обозначим вышеназванные группы как группа 1 и группа 2.

2.2.1 Монологические экспрессивные средства в директивных высказываниях.

Группа 1. приказы, предупреждения, просьбы и команды

Вначале обратимся к лексическим средствам, использующимся для усиления коммуникативного намерения в первой группе. К ним относится в первую очередь использование местоимения второго лица “you” либо наличия “even”. Таких примеров было выявлено 7.

(21)

ИЯ: Don't even think about it.(AD Гл. 32)	ПЯ 1: Не смейте даже и думать!	ПЯ 2: Denken Sie nicht einmal daran!
---	--------------------------------	--------------------------------------

В исходном тексте говорящий использует наречие “even”,

использующееся для усиления запрета (MWD).

В ПЯ 1 для передачи экспрессии используется “даже”, употребляющееся для выделения и усиления слов или словосочетаний (TCE). Тем не менее, прагматика оригинального высказывания в переводе не сохраняется в результате добавления дополнительного эмотивного значения при помощи восклицательного знака.

В ПЯ 2 наблюдается идентичная ситуация: использование слова “einmal” для усиления коммуникативного намерения (Duden), а также добавление эмотивности при помощи восклицательного знака.

Далее рассмотрим синтаксические экспрессивные средства, использующиеся в высказываниях первой группы.

Чаще всего в качестве синтаксического экспрессивного средства автор использует дистантные повторы (6 примеров).

(22)

ИЯ: Let us wait. Let us hear him before we have a balloting. (AD Гл. 128)	ПЯ 1: Подождем его появления и, прежде чем приступить к выборам, выслушаем его объяснения.	ПЯ 2: Lasst uns warten. Wir wollen ihn anhören, bevor wir zur nächsten Wahl schreiten.
---	--	--

В данном примере в оригинальном тексте наблюдается повтор в двух микро-РА слов “let us”.

В ПЯ 1 переводчик отказывается от сохранения повтора, также наблюдается объединение двух микро-РА в один, в результате чего прагматическая эквивалентность в переводе не достигается.

В ПЯ 2 разделения на два микро-РА сохраняется, однако утрата повтора приводит к неполной передаче речевой интенции говорящего, в результате чего прагматическая эквивалентность при переводе не достигается.

В первую очередь это эмфатическое do, которое в рассмотренных примерах используется только в комплексе с другими эмфатическими

средствами.

(23)

ИЯ: Suppose someone <i>did</i> find out. And suppose someone gained access to this lab.(AD Гл.23)	ПЯ 1: Допустим, что кто-то каким-то образом смог об этом узнать. Допустим также, что этот неизвестный получил доступ в лабораторию	ПЯ 2: Angenommen, jemand hat es herausgefunden. Und weiter angenommen, irgendjemand hat sich Zutritt zu diesem Labor verschafft.
---	--	--

В исходном тексте говорящий использует сочетание лексических (дистантный повтор слова “suppose”) и синтаксических экспрессивных средств (эмфатическое do) с целью добиться от слушающего выполнения определенных действий.

Как в ПЯ 1, так и в ПЯ 2 аналог данного экспрессивного средства отсутствует, что приводит к его утрате, однако дистантный повтор в обоих случаях сохраняется.

Такие результаты позволяют сделать вывод, что ни в одном из двух представленных переводов прагматическая эквивалентность не достигается.

Далее обратимся к примерам усиления коммуникативного намерения при помощи парцелляции, которых было выявлено 5.

(24)

ИЯ: Call me at the Louvre. Right away. (DVC Гл. 16)	ПЯ 1: Перезвони мне в Лувр прямо сейчас.	ПЯ 2: Ruf mich im Louvre an. Sofort, ich bitte dich!
---	--	--

Исходный текст представляет собой речевой акт-приказ, для усиления которого используется парцелляция.

В ПЯ 1 парцелляция утрачивается, в результате чего прагматическая эквивалентность не достигается.

В ПЯ 2 парцелляция сохраняется, однако добавление переводчиком слова “bitte” приводит к смягчению приказа, т.е. происходит искажение коммуникативной интенции говорящего. Помимо этого во второй из

частей парцеллированного высказывания добавляется восклицательный знак, что приводит к появлению дополнительного эмотивного смысла.

Группа 2. Вопросы

Обратимся к экспрессивным средствам, используемым в высказываниях, принадлежащих ко второй группе. Для их усиления также могут использоваться синтаксические и лексические экспрессивные средства.

Рассмотрим вначале лексические средства создания экспрессивности в вопросах.

Также экспрессивность вопроса может усиливаться с помощью использования наречий-интенсификаторов “ever” и “really” (CDO). Было выявлено 3 подобных примера.

(25)

ИЯ: You don't <i>really</i> think that guy who called is who he claims to be, do you? (AD Гл. 23)	ПЯ 1: Неужели ты серьезно веришь, что звонивший человек является тем, за кого себя выдает?	ПЯ 2: Du glaubst doch wohl nicht im Ernst, dass dieser Typ das war, wofür er sich ausgegeben hat?
---	--	---

В оригинальном тексте для усиления коммуникативного намерения используется наречие “really”.

В ПЯ 1 коммуникативная интенция говорящего в целом сохраняется, поскольку слово “серьезно”, согласно толковому словарю Ефремовой, соответствует по значению выражению “в самом деле”, которое используется для дополнительного указания на достоверность факта (TCE), что позволяет говорить о максимально возможной степени прагматической эквивалентности в данном переводе.

Аналогичная ситуация наблюдается и в ПЯ 2 прагматическая эквивалентность также сохраняется благодаря использованию слова “der Ernst”, использующегося для подтверждения достоверности факта или суждения (Duden).

К синтаксическим средствам усиления коммуникативного намерения в вопросах относится парцелляция.

(26).

ИЯ: A messenger of the Illuminati? Preparing to kill four cardinals?(AD Гл. 23)	ПЯ 1: За посланца братства "Иллюминати", готовящегося прикончить четырех кардиналов?	ПЯ 2: Ein Sendbote der Illuminati? Der vier Kardinale umbringen will?
---	--	---

В оригинальном тексте для усиления вопроса используется парцелляция.

В ПЯ 1 парцеллированное высказывание превращается в непарцеллированное, в результате чего экспрессивность в переводе утрачивается.

В ПЯ 2 парцелляция сохраняется, что позволяет говорить о достижении максимально возможной степени прагматической эквивалентности в данном переводе.

Также, подобно многим уже рассмотренным типам высказываний, вопросы могут быть усилены при помощи повторов – таких примеров было выявлено 5.

(27)

ИЯ: You're using the Haz-Mat chamber for storage? Storage of <i>what</i> ? (AD Гл. 23)	ПЯ 1: Вы использовали камеру "Оп-Мат" для хранения? Хранения чего?	ПЯ 2: Sie benutzen das HAZMAT-Labor zum Lagern? Vittoria, was lagern Sie dort?
--	--	--

В оригинальном тексте для усиления директивного коммуникативного намерения говорящий прибегает к повтору существительного "storage".

В ПЯ 1 повтор сохраняется, и оба повторяемых слова являются существительными, однако происходит изменение грамматического времени: настоящее заменяется прошедшим, в результате чего происходит искажения смысла сообщения. Соответственно, в данном случае перевод

не является прагматически эквивалентным оригиналу.

В ПЯ 2 наблюдается сохранение повтора с изменением части речи второго из слов с существительного на глагол. Тем не менее, в целом прагматическая эквивалентность в данном переводе сохраняется.

Можно сделать вывод, что при переводе на русский язык директивных высказываний лексические экспрессивные средства как правило сохраняются, в то время как от парцелляции переводчик предпочитает избавляться. В немецком же переводе сохраняются как синтаксические, так и монологические экспрессивные средства.

2.2.2. Диалогические средства усиления директивного коммуникативного намерения.

Вопросы, подобно констативам, могут быть усилены при помощи не только монологических экспрессивных средств, но также и с помощью диалогического повтора.

(28)

ИЯ: What shall we do? What <i>can</i> we do?(AD Гл. 43)	ПЯ 1: Что мы будем делать? А что мы можем сделать?	ПЯ 2: Was machen wir nun? Was <i>können</i> wir machen?
--	--	--

В данном примере в оригинальном тексте в ответной реплике говорящий повторяет синтаксическую структуру реплики-стимула.

В ПЯ 1 повтор синтаксической структуры сохраняется, и, хотя в соответствии с узусом русского языка происходит замена глагола несов.в. на глагол сов.в., в данном случае это не влияет на прагматическую эквивалентность перевода.

В ПЯ 2 перевод также является прагматически эквивалентным оригиналу, поскольку повтор синтаксической структуры оригинала сохраняется, а добавление слова “nun” не влечет за собой искажения коммуникативного намерения говорящего.

Таким образом можно сделать вывод, что для усиления приказов, просьб, команд и т.д. в английском языке используются только монологические экспрессивные средства, в то время как для усиления вопросов могут также использоваться и диалогические экспрессивные средства, хотя такие примеры менее распространены по сравнению с констатирующим коммуникативным намерением (1 против 3). В рассмотренном примере как в русском, так и в немецком переводе коммуникативная интенция говорящего передается без искажений.

2.3. Экспрессивные средства в коммуникативных структурах.

Помимо обычных высказываний с помощью экспрессии могут быть также усилены коммуникативные структуры, определяемые Чахоян Л.П. как несколько высказываний, объединенных общей коммуникативной целью.

Встреченные в тексте романа коммуникативные структуры могут быть разделены на две группы. Первая из них представляет собой сочетание вопроса и констатира. Такого рода высказывания являются ответными репликами диалогов.

(29)

ИЯ: Blackmail? This is not blackmail.(AD Гл. 41)	ПЯ 1: Шантажу?	ПЯ 2: Erpressung?
	Здесь нет никакого шантажа	Dies ist keine Erpressung.

В оригинальная реплика состоит из двух микро-РА: вопроса-переспроса и утверждения. Для усиления коммуникативного намерения говорящий использует дистантный повтор слова “blackmail”.

В ПЯ 1 и ПЯ 2 прагматическая эквивалентность в целом достигается, поскольку наблюдается сохранение как членения высказывания на РА, так и экспрессивный повтор.

Таких примеров было выявлено 3.

Второй тип выявленных коммуникативных структур представляет

собой сочетание констати́ва и директива-вопроса в пределах одного предложения.

(30)

ИЯ: But if it <i>is</i> the Church who is responsible for this attack, why would they act now? (DVC Гл 6)	ПЯ 1: Но если в нападении действительно замешана Церковь, почему это произошло именно сейчас?	ПЯ 2: Aber wenn die Kirche für diesen Anschlag verantwortlich ist, warum schreitet sie ausgerechnet jetzt zur Tat?
---	---	--

В оригинальном тексте констатирующая часть высказывания усиливается при помощи эмфатической конструкции “it is/was...that/who”, стандартно используемой в констативах.

В ПЯ 1 экспрессивность сохраняется при помощи добавления слова «действительно», используемого для подтверждения какой-либо мысли или выражения уверенности в чем-либо либо.

В ПЯ 2 экспрессивность при переводе не передается, что приводит к искажению коммуникативной интенции автора высказывания.

Можно сделать вывод, что в немецком переводе коммуникативных структур коммуникативным намерением прагматическая эквивалентность не достигается, несмотря на то, что грамматика немецкого языка позволял построить схожее по структуре высказывание. Можно предположить, что такое построение реплики объясняется особенностями языкового узуса.

2.4. Экспрессивные средства в эмотивно-экспрессивных высказываниях.

Обратимся далее к примерам, в которых основное констатирующее или директивное коммуникативное намерение сочетается с дополнительным эмотивно-экспрессивным. Эмотивное коммуникативное намерение выявлялось на основании, во-первых, присутствия в высказывании эмоционально окрашенных слов, таких как “hell”, “bloody”, “bastard” и т.д. (в словаре подобная лексика описывается как

используемая для вербализации различных эмоций (OOD)), во-вторых, наличия восклицательного знака.

2.4.1. Констатирующие эмотивно-экспрессивные высказывания

Проанализированные примеры позволили установить, что среди констативом дополнительное эмотивное значение могут приобретать только репрезентативы. Для усиления такого рода высказываний могут использоваться многие из тех средств, которые используются для усиления чистых репрезентативов.

Обратимся вначале к лексическим средствам усиления констатирующе-эмотивного коммуникативного намерения.

К данной группе можно отнести примеры с использованием устойчивых выражений, усиливающих высказывание.

(31)

ИЯ: Simon, for heaven's sake, this is ridiculous! (DVC Гл. 81)	ПЯ 1: Саймон, ради Бога, но это же просто смешно!	ПЯ 2: Um Himmels willen, Simon, das ist doch absurd!
--	---	--

В оригинальном тексте используется фраза “for heaven's sake”, используемая для увеличения убедительности высказывания (MWD)а также восклицательный знак для передачи эмотивности.

В ПЯ 1 экспрессивная фраза заменяется своим русским аналогом “ради Бога”, также сохраняется и эмотивность, выраженная при помощи восклицательного знака.

Аналогичная ситуация наблюдается и в ПЯ 2: замена устойчивого выражения немецким аналогом и сохранение восклицательного знака как показателя эмотивности.

Такие результаты позволяют сделать вывод, что в данном случае в обоих переводах достигается максимально возможная степень прагматической эквивалентности.

В качестве синтаксического экспрессивного средства в такого рода

высказываниях встречается парцелляция.

(32)

ИЯ: Each time the church raises its voice in warning, <i>you</i> shout back, calling us ignorant. Paranoid. Controlling! (AD Гл. 129)	ПЯ 1: Стоит нам возвысить голос, чтобы выступить с предупреждением, как вы поднимаете крик, называя нас невеждами и параноиками.	ПЯ 2: Jedes Mal, wenn die Kirche warnend ihre Stimme erhebt, nennen Menschen wie Sie uns unwissend und paranoid. Sie unterstellen uns, wir würden versuchen, Sie zu kontrollieren!
---	--	--

В данном примере в английском тексте наблюдается парцелляция, используемая говорящим для акцентирования внимания слушателя на тех негативных прилагательных, которые иногда используются для характеристики церкви. Дополнительную эмотивность высказыванию придает восклицательный знак.

В ПЯ 1 наблюдается утрата экспрессивности, поскольку парцеллированное высказывание объединяется в одно, также в результате отказа от восклицательного знака не передается в переводе и эмотивность. Помимо этого, в переводе опускается последнее из ряда парцеллированных прилагательных.

В ПЯ 2 эмотивная составляющая высказывания сохраняется, однако в результате замены последнего из парцеллированных прилагательных на предложение приводит к утрате экспрессивности.

Можно сделать вывод, что для усиления констатирующих высказываний с эмотивно-экспрессивным коммуникативного намерением, так же как и для усиления просых констатирующих высказываний, могут использоваться и монологические, и диалогические экспрессивные средства. Также можно отметить, что во всех рассмотренных примерах с лексическими экспрессивными средствами при переводе на немецкий язык прагматическая эквивалентность сохранялась, однако в переводах на русский язык в некоторых случаях она была нарушена в результате утраты

восклицательного знака.

Также были выявлены примеры использования дистантных повторов.

(33)

ИЯ: Perfect. Just bloody perfect. (AD Гл. 36)	ПЯ 1: Замечательно. Лучше, дьявол бы их побрал, просто быть не может.	ПЯ 2: Großartig. Einfach großartig!
---	---	-------------------------------------

В оригинальном тексте эмотивное коммуникативное намерение, выражаемое с помощью слова “bloody”, сочетается с экспрессивностью, достигаемой при помощи дистантного повтора слова “perfect”.

В ПЯ 1 эмотивное коммуникативное намерение сохраняется благодаря использованию слова “дьявол”, употребляемому для выражения негативных эмоций, (словарь Ефремовой) однако в результате исчезновения повтора экспрессивность высказывания утрачивается.

В ПЯ 2 повтор сохраняется, а отсутствие эмотивно окрашенной лексики компенсируется добавлением восклицательного знака, в результате чего данный перевод можно назвать в максимальной степени прагматически эквивалентным оригиналу.

В качестве дискурсивного экспрессивного средства в констатирующих высказываниях с эмотивно-экспрессивным коммуникативным намерением используется диалогический повтор.

(34)

ИЯ: Only Langdon, right? You're not flagging Sophie Neveu. Of course I'm flagging her!(DVC Гл. 36)	ПЯ 1: Только Лэнгдона, я вас правильно понял? Вы же не собираетесь сдавать Софи Невё? Еще как собираюсь!	ПЯ 2: Wir lassen doch nur Langdon ausschreiben, oder? Sophie Neveu wohl nicht. Natürlich wird auch sie zur Fahndung ausgeschrieben, verdammt!
--	--	---

В оригинальном тексте реплика-стимул состоит из двух микро-РА,

первый из которых является директивом (вопросом), а второй – констативом. В ответной реплике повторяется синтаксическая структура констатива.

В ПЯ 1 оба микро-РА становятся директивами, помимо этого в ответной реплике в результате эллипсиса утрачивается повтор синтаксической структуры, однако эмотивность в данном случае сохраняется.

В ПЯ 2 в ответной реплике утрачивается синтаксический повтор, помимо этого она становится более эмоциональной в результате использования помимо восклицательного знака также слова “verdammt”, использующегося для выражения негативных эмоций (Duden online-wörterbuch).

Можно сделать вывод, что ни в одном из переводов рассмотренного примера усиления констатирующих высказываний с эмотивно-экспрессивным коммуникативным намерением прагматическая эквивалентность не достигается.

2.4.2. Директивные эмотивно-экспрессивные высказывания

Для усиления такого рода высказываний в первую очередь используются повторы. Можно отметить, что директивные эмотивно-экспрессивные высказывания с повторами могут быть разделены на две группы. В первой из них дополнительное эмотивное значение выражается только при помощи восклицательного знака.

(35)

ИЯ: Remember! Remember the solution to this test! (AD Гл. 37)	ПЯ 1: Вспомни! Вспомни, как решается эта задача!	ПЯ 2: Erwinnere dich! Erinnere dich an die Lösung dieser Aufgabe!
---	--	---

В исходном тексте для усиления коммуникативного намерения используется повтор глагола “remember”, дополнительное эмотивное

значение выражается с помощью восклицательного знака.

В ПЯ 1 сохраняется как экспрессивное средство (повтор), так и эмотивность, что позволяет говорить о достижении в переводе максимально возможной степени прагматической эквивалентности.

Аналогичная ситуация наблюдается и в ПЯ 2, где также сохраняется и экспрессивность, и эмотивность.

В примерах второй группы эмотивность создается комбинацией восклицательного знака и эмотивно окрашенной лексики.

(36)

ИЯ: Show yourself, damn it! Show yourself! (AD Гл. 52)	ПЯ 1: Ну покажись же. Покажись, будь ты проклят!	ПЯ 2: Zeig dich endlich, verdammt! Zeig dich!
--	--	--

В исходном тексте для усиления коммуникативного намерения используется повтор глагола “show”, дополнительное эмотивное значение выражается с помощью восклицательного знака эмотивно окрашенного слова “damn”, использующегося для выражения гнева (Cambridge Dictionary Online).

В ПЯ 1 сохраняется как экспрессивное средство (повтор), так и эмотивность, поскольку переводчик использует фразу “будь ты проклят”, которая употребляется с целью выражения резко негативных эмоций (Ф.С.). Вышесказанное позволяет говорить о достижении в переводе максимально возможной степени прагматической эквивалентности.

Аналогичная ситуация наблюдается и в ПЯ 2, где также сохраняется и экспрессивность, и эмотивность.

Также, по аналогии с директивными высказываниями, для усиления директивно-эмотивных высказываний может использоваться выражение “don't you dare”, используемого для усиления запретов (MWD).

(37)

ИЯ: Don't you dare start	ПЯ 1: Не смейте играть со	ПЯ 2: Lassen Sie jetzt die
--------------------------	---------------------------	----------------------------

playing games with me! (DVC Гл. 101)	мной в эти игры!	Spielchen.
---	------------------	------------

В оригинальном тексте для создания экспрессивности говорящий использует вышеназванную фразу, эмотивность же создается за счет использования восклицательного знака.

В ПЯ 1 сохраняется как эмотивность, так и экспрессивность, достигаемая при помощи фразы “не смейте”, которая используется для выражения строгости запрета (ТСРЯ), что позволяет говорить о максимально возможной степени эквивалентности между оригиналом и переводом.

В ПЯ 2 ни экспрессивность, ни эмотивный компонент высказывания не сохраняется, что ведет к неполной передаче коммуникативной интенции говорящего, и как следствие нарушению прагматической эквивалентности.

Также в ходе исследования были выявлены пример использования фразы “for the love of God”, которая, согласно толковому словарю, используется для подчеркивания срочности просьбы (OOD).

(38)

ИЯ: For the love of God! (AD Пролог)	ПЯ 1: О Господи! Ради всего святого...	ПЯ 2: Um Gottes willen, nein!
---	---	----------------------------------

Можно отметить, что в данном случае в оригинальном тексте фраза используется несколько в ином значении – для придания просьбе убедительности с целью достижения поставленной цели. Эмотивность высказывания достигается с помощью использования восклицательного знака.

В ПЯ 1 экспрессивность высказывания возрастает за счет использования выражения “ради всего святого”, употребляющегося для выражения усиленной просьбы (ТСЕ), а также умолчания. При этом эмотивность высказывания возрастает в результате добавления выражения “о господи”, использующегося для выражения широкого спектра

различных эмоций (Толковый словарь Ожегова). Вышесказанное позволяет говорить о том, что в данном случае происходит искажение коммуникативной интенции говорящего.

В ПЯ 2, несмотря на дополнительную экспликацию, связанную с добавлением слова “nein”, прагматическая эквивалентность сохраняется благодаря использованию фразы “um Gottes willen”, имеющего то же значение, что и английская фраза (Duden online-wörterbuch).

Из синтаксических экспрессивных средств в высказываниях рассматриваемого типа используется парцелляция.

(39)

ИЯ: You and Langdon will come in now. For your own well-being! (DVC Гл. 88)	ПЯ 1: Вы с Лэнгдоном должны приехать как можно скорее. Ради вашего же блага!	ПЯ 2: Sie und Langdon werden sich jetzt unverzüglich stellen, Ihrer eigenen Sicherheit zuliebe.
---	--	---

В оригинальном тексте для усиления коммуникативного коммуникативного намерения при помощи парцелляции с участием дополнения цели. Эмотивный компонент высказывания представлен восклицательным знаком.

В ПЯ 1 достигается максимально возможная степень прагматической эквивалентности благодаря передаче как парцелляции, так и эмотивности.

В ПЯ 2 наблюдается обратная ситуация: утрата в переводе как экспрессивности, так и эмотивности, что приводит к существенному искажению коммуникативной интенции говорящего.

2.5. Средства усиления контактоустанавливающего коммуникативного намерения

Можно отметить, что случаи усиления контактоустанавливающего коммуникативного намерения очень редки – в ходе исследования был обнаружен всего один подобный пример.

(40)

ИЯ: Thank you. Thank you, very much. (AD Гл. 99)	ПЯ 1: Спасибо. Огромное вам спасибо.	ПЯ 2: Danke sehr, Hauptmann. Ich danke Ihnen wirklich sehr.
--	--------------------------------------	---

В данном примере усиления контактоустанавливающего коммуникативного намерения говорящий использует контактный повтор речевого стереотипа “thank you” (Третьякова 1998).

В ПЯ 1 несмотря на замену контактного повтора дистантным в связи с узусом русского языка речевая интенция говорящего сохраняется. Что позволяет говорить о максимально возможной степени прагматической эквивалентности. В ПЯ 2 наблюдается аналогичная ситуация, из чего можно сделать вывод, что данный перевод также является максимально прагматически эквивалентным оригиналу.

Можно сделать вывод, что в целом эмфатические высказывания с контактоустанавливающим коммуникативным намерением достаточно легко поддаются прагматически эквивалентному переводу, поскольку для их усиления используется повтор, легко воспроизводимый как в русском, так и в немецком языках.

Выводы по Главе II

1. Поскольку ядром любой коммуникации является интенция говорящего, была предпринята попытка создать классификацию речевых актов в оригинальном тексте на основе именно этого параметра. В зависимости от коммуникативной интенции были выявлены следующие типы коммуникативных актов, в которых используется экспрессия: констатирующие, директивные, эмоционально-эмотивные, коммуникативные структуры и контактоустанавливающие.

2. Наблюдается резкое превалирование использования экспрессивных средств в констатирующих высказываниях.

3. Экспрессивные средства усиления констатирующего коммуникативного намерения разделяются на две группы:

- Синтаксические средства (эмфатические конструкции, эллипсис, инверсия, умолчание, контактный и дистантный повторы, риторические вопросы, а также диалогический повтор эмфатическое *do*)
- Лексические средства - коммуникативные клише (*believe me, of all people, for heaven's sake, и т. д.*).

4. Экспрессивные средства усиления директивного коммуникативного намерения также могут быть разделены на синтаксические и лексические.

- К синтаксическим относятся дистантные повторы и парцелляция, также в приказах, предупреждениях, просьбах и командах может использоваться эмфатическое *do*.
- К лексическим средствам усиления приказов, предупреждений, просьб и команд относится использование наречия-интенсификатора *even*, а также местоимения 2 л. ед.ч. *you*; для усиления вопросов используются наречия-интенсификаторы *ever/really*.

5. Эмотивно-экспрессивные высказывания могут быть дополнительно разделены на констатирующие и директивные.

- К лексическим средствам усиления констатирующих эмотивно-экспрессивных высказываний относится использование устойчивого выражения “for heaven’s sake”, к синтаксическим – парцелляция и повторы.

- Для усиления директивных констатирующе-эмотивных высказываний из лексических экспрессивных средств используются устойчивые выражения, из синтаксических – повторы.

6. Примеры усиления контактоустанавливающих экспрессивных высказываний очень немногочисленны, для их усиления используются только повторы.

7. Для переводов на русский язык характерна утрата синтаксических экспрессивных средств либо их замена на лексические, поскольку многие из них не имеют аналогов в русском языке, однако лексические экспрессивные средства как правило сохраняются.

8. Немецкий язык как более близкий английскому и имеющий схожую с ним грамматическую структуру позволяет сохранять как лексические экспрессивные средства, так и эмфатические конструкции.

9. В немецком переводе экспрессивных высказываний прагматическая эквивалентность сохраняется чаще, чем в русском.

Заключение

Данная работа посвящена анализу экспрессивных средств усиления коммуникативного намерения в романах американского писателя Д. Брауна и их переводов на русский и немецкий языки с целью выявления случаев достижения или утраты прагматической эквивалентности при передаче диалогической речи персонажей романов.

Несмотря на то, что в некоторых работах понятия “экспрессивность”, “эмоциональность” и “эмотивность” употребляются как синонимы, в данном исследовании между ними проводится граница. Основным различием эмотивности и экспрессивности видится наличие у последней функции воздействия на адресата. Таким образом, проблема перевода экспрессивных средств непосредственно связана с прагматикой перевода, и в частности с прагматической эквивалентностью.

Исследование позволило сделать вывод, что чаще всего прагматическая эквивалентность утрачивается при переводе констатирующих высказываний, соответственно, именно они являются наиболее сложными для передачи на другой язык. Данный факт объясняется двумя причинами.

Во-первых, в них используется большое количество синтаксических экспрессивных средств, аналоги которых в неблизкородственных языках отсутствуют: например, эмфатическое *do*, конструкция “*it is/was...who/that*” и т.д. Можно отметить, что при переводе высказываний на немецкий язык, относящийся к одной языковой группе с английским и имеющий с ним много схожих грамматических черт, прагматическая эквивалентность сохраняется намного чаще. Единственным исключением является передача парцелляции, что можно объяснить языковым узусом: для немецкого языка характерны сложные развернутые предложения, в то

время как для английского – краткость и лаконичность. При переводе на русский язык, обладающий достаточно ограниченными синтаксическими экспрессивными средствами, существует два выбора: либо отказаться от передачи усиления коммуникативного намерения, сохранив лишь самую общую коммуникативную интенцию и утратив прагматическую эквивалентность, либо воспользоваться экспрессивной лексикой.

Во-вторых, в некоторых констатирующих высказываниях может использоваться сразу несколько экспрессивных средств, и при их полной передаче на ПЯ столь сильное усиление коммуникативного намерения привело бы к нарушению узуса ПЯ. Важно помнить, что в разных языках используются различные правила общения, которыми нельзя пренебрегать при переводе.

В дальнейшем данное исследование могло бы быть расширено и дополнено благодаря обращению не только к речи персонажей романа, но также и авторскому комментарию, который в некоторых случаях также может служить средством усиления коммуникативного намерения.

Список использованной литературы

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка. — М.: Высшая школа, 1984. — 212 с.
2. Арнольд, И. В. Интерпретация художественного текста : типы выдвижения и проблемы экспрессивности [Текст] / И. В. Арнольд // Экспрессивные средства английского языка . — Ленинград , 1975. — С . 11-20.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов — 10 изд — М.: Флинта: Наука, 2010 — 384 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 392 с.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. — М.: Искусство, 1979. — 424 с
6. Богданов В.В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. Л. : ЛГУ, 1990.—87 с.
7. Васильев Л.М. К вопросу об экспрессивности и экспрессивных средствах (на материале славянских языков) // Славянский филологический сборник. вып. 9. -№3.-Уфа, 1962.-С. 107-119.
8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с
9. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса: уч. пособие. / В.В. Виноградов. — М.: Изд-во МГУ, 1958. — 174 с.
10. Галкина - Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб . ст . по языкознанию . Профессору Московского ун - та академику В . В . Виноградову в день его 60-летия/ — М.: Наука, 1958. — С. 103-124.

11. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.
12. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике Сб. статей. / Под ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Междун ар. отношения, 1978. – С.137 - 156
13. Иванчикова Е.А. Лексический повтор как экспрессивный приём синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке. - М.: Просвещение, 1969. - С. 126-139.
14. Иванчикова, Е.А. Лексический повтор как экспрессивный приём синтаксического распространения / Е.А. Иванчикова // Мысли о современном русском языке. - М.: Просвещение, 1969. - С. 126-139.
15. Карповская Н.В. К вопросу о проблеме прагматической эквивалентности в переводе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. –№ 4. –С. 98-104.
16. Карповская Н.В., К вопросу о проблеме прагматической эквивалентности в переводе, Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2011, № 4 – С. 98 – 104
17. Ковальчук Е.А. Квантитативно-системный подход к оценке качества перевода // Древняя и Новая Романия. –2015. –Т. 16. –С. 507-523.
18. Кузьмина, Т. Е. Парцелляция как средство достижения экспрессивности высказывания. (На материале английской и американской литературы XX в.) // Стилистика текста. Языковые средства экспрессивности текста. — Уфа, 1989. — 256 с.
19. Куралева Т. В. Экспрессивные свойства расщепленных предложений в современном английском языке// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. No 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 83-85

20. Куралева Т. В., Абдульманова А. Х. Средства экспрессивного дискурса в современном английском диалоге. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Вып. 9, 2015. С. 314-316.
21. Лукьянова Н.А. Экспрессивность в системе, словаре и речи.//Человеческий фактор в языке. – М.: Наука, 1991, С. 157-179.
22. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. — Свердловск: УрГУ, 1986. —92 с.
23. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М.: Московский Лицей, 1996. - 298 с.
24. Моррис Ч.У. Основания теории знаков. – // Семиотика. Сборник переводов. Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983 – стр. 37-89
25. Найда Ю.А. К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. С. 114-136
26. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике Сб. статей. / Под ред. В.Н. Комиссарова. –М.: Междунар. отношения, 1978. –С.185-201
27. Петрова Е.С. Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. —СПб., М.: Academia, Филологический ф-т СПбГУ, 2011. —368 с
28. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. В 2-х томах. Том 1 - М.: Алетейя, 2000. — 318 с.
29. Поспелова А. Г., Шилова С. В.. Вежливость и настойчивость - стратегия успеха : учебное пособие; С.-Петербургский гос. ун-т, Филол. фак. - СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2010. – 103

30. Поспелова А.Г. Экспрессивность высказывания и ее реализация в синтаксической структуре предложения // Вестник Ленинградского ун-та. 1982. -№ 2. — С. 111-114.

31. Телия, В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. - М.: Наука, 1991.-С. 5-36.

32. Третьякова Т. П., Контекстная прагматика в рамках переводческого маневрирования, Материалы 45 международной филологической конференции « Федоровские чтения ». Актуальные проблемы переводоведения , СПб .: Изд - во ВВМ , 2016. – С . 69-74.

33. Третьякова, Т.П. Функциональная семантика и проблема речевого стереотипа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Третьякова Татьяна Петровна.-СПб, 1998. -39 с

34. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход Монография. — М.: Русский язык, 2002. — 216 с.

35. Цоллер В. Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филологические науки. — 1996. – № 6. — С. 64.

36. Чайковский Р.Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса // Уч. записки МГПИИЯ им. М. Тореца. Вопросы романо-германской филологии. —М.,1971. —Т. 64. —С. 196–200

37. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. –М.: «Высшая школа», 1979. –168 с

38. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж, 1987. - 192 с.

39. Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). — М.: Наука, 1988. –215 с

40. Шутникова Р.С. Использование фонетических средств для создания экспрессивности текста. Стилистика текста. Языковые средства экспрессивности текста // Межвуз. науч. сб. Уфа, 1989. С. 45-55.
41. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». —М.: Прогресс, 1975. —С. 193–231.
42. Ariel M. Defining Pragmatics, Cambridge University Press, Cambridge, 2010, xviii + 330 pp
43. Austin J. L. How to do things with words. – Cambridge: Clarendon Press, 1962. – 168 p.
44. Baker M. In Other Words: a Course book on Translation. – London: Routledge, 1992. – 304 p.
45. Hickey L. Perlocutionary equivalence: Marking, exegesis and recontextualization//The Pragmatics of translation / Leo Hickey (ed.). – Clevedon: Multilingual Matters, 1998 6 . – P. 217 - 232
46. House J . Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation // Meta: Translators' Journal. – Routledge, 20 01 . – Vol. 46, Nr. 2 – P. 243 - 257 89 59.
47. House J. Politeness and translation // The Pragmatics of translation / Leo Hickey (ed.). – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 54 - 71. 58.
48. House J. Translation Quality Assessment: Past and Present. – NY: Routledge, 2015. – 171 p. 60.
49. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft – 7., aktualisierte Aufl. – Wiebelsheim: Quelle und Meyer, 2004. – 343 S.
50. Leech G. Principles of Pragmatics . – London: Longman, 1983. – 250 p.
51. Morini M. Outlining a new linguistic theory of translation // Target. – Vol. 20 (1). – 2008. – P. 29 - 51

52. Nida E. A., Taber C.R. The Theory and Practice of Translation. – Leiden: E. J. Brill , 1982. – 218 p.
53. Nida E.A., de Waard J. From One Language to Another, Functional Equivalence in Bible Translating. – Nashville: Nelson, 1986. – 224 p
54. Searle J.R. Speech acts: An Essay i n the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969 . – 203 p.
55. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication.// The Bell System Technical Journal. 1948. Vol.XXVII. # 3. URL: https://monoskop.org/images/a/ae/Shannon_Claude_E_A_Mathematical_Theory_of_Communication_1957.pdf (дата обращения 24.03.18)
56. Wierzbicka A. Cross - cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Trends in Linguistics; Studies an d Monographs. – 2 nd edition. – Berlin: Mouton de Guyter, 2003 . – 502 p

Список использованных материалов

1. CDO – Cambridge Dictionary Online [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/>
2. CDO – Collins Dictionary Online [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/>
3. Duden – Duden online-wörterbuch [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.duden.de/>
4. LDO – Longman Dictionary Online [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ldoonline.com/>
5. MWD – Merriam - Webster's Dictionary [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 18.05.2017).
6. OOD – Oxford Online Dictionaries [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:
7. PONS – PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://de.pons.com/%C3%BCbersetzung?q=suchen&l=dedx&in=&lf=>
8. БТРЯ – Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов Словарь [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts>
9. БТСРЯ – Большой Толковый Словарь под ред. Кузнецова [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
10. МАС – Малый Академический Словарь [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>
11. ТСЕ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково - словообразовательный. – М. : Русский язык, 2000 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 18.05.2017).
12. ТСРЯ - Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь

русского языка 4-е изд., доп. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 с.

13. ФС – Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка М: Астрель: АСТ, 2008. - 828 с.

Список источников примеров с сокращениями

1. AD – Brown, D. Angels and Demons. – London: Corgi Books, 2001. – 625 с .
2. Браун Д. Ангелы и демоны. Пер. с англ . Г. Б. Косов . – М .: АСТ , 2015. – 640 с .
3. Brown D. Illuminati. Übersetzt von Alex Merz [Электронный ресурс]/ Режим доступа: https://royallib.com/read/Brown_Dan/I_L_L_U_M_I_N_A_T_I_Angels_and_Demons.html#0
4. DVC – Brown, D. The Da Vinci Code [Электронный ресурс] / Режим доступа : https://archive.org/details/TheDaVinciCode_201308 (дата обращения 03.03.18)
5. Браун , Д . Код да Винчи . пер. с англ. Н.В. Рейн [Электронный ресурс]. –: <http://knigosite.org/library/read/54266> (дата обращения 03.03.18)
6. Brown D. Sakrileg. Übersetzt von Piet van Poll [Электронный ресурс]/ Режим доступа: https://royallib.com/read/Brown_Dan/Sakrileg.html#0 (дата обращения 03.03.18)